

ОКСАНА ЮРЬЕВА

Я СПРЯЧУ ТЕБЯ ОТ ПОЛНОЙ ЛУНЫ

Оксана Юрьева

Я спрячу тебя от полной луны

«Издательские решения»

Юрьева О.

Я спрячу тебя от полной луны / О. Юрьева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-745493-7

Прошли девяностые, переломные и сложные. Начало нулевых. Новые люди новой страны. Большие деньги — полная личная свобода? Возможность реализовать свои самые смелые мечтания или исполнить даже самые странные тайные желания? Тайные желания — дань моде или тайные желания — это ты есть сам? Всегда есть выбор: вилять хвостиком в ожидании благ из рук более успешных или кардинально изменить жизнь не в лучшую сторону, но остаться верным самим себе... и это не конец жизни, а начало самого интересного...

ISBN 978-5-44-745493-7

© Юрьева О.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Я спрячу тебя от полной луны

Оксана Юрьева

© Оксана Юрьева, 2016

© Евгений Боровков, дизайн обложки, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Телефон на ресепшне надрывался настойчивым звонком. Ирина, наклонившаяся над длинным большим столом за стеклянными перегородками закрытыми серыми горизонтальными жалюзи переговорной, со вздохом оставила, разложенные аккуратными стопочками, распечатанные листы с цветными схемами бизнес-плана и вышла в довольно обширный холл офиса. Ну, правильно, секретаря Вики опять не было на месте. Ирина подошла к высокой, строгой, отливающей металлическим блеском стойке ресепшена с ярким сине-оранжевым логотипом компании «Пасифик Оушен». Стационарная офисная база мини-АТС продолжала мигать лампочкой непринятого вызова, а рядом лежала радио-трубка, с которой секретарь, вообще-то, обязана была передвигаться по офису. Ирина взяла трубку и, отжав зеленую кнопку, вежливо произнесла:

– Добрый день, компания «Пасифик Оушен». —

– Ирочка, переключите, меня, плиз, на вашего молодого начальника, -голос Элеоноры – жены хозяина компании был, как всегда, язвительно слащав, вполне обычная манера в общении с женским составом служащих компании.

Ирина нажала на кнопку соединения с внутренним аппаратом шефа.

– Да, -раздался в трубке резкий даже сердитый голос.

– Ренат, -не обращая внимания на тон, спокойно произнесла Ирина, -Элеонора, -коротко добавила она и, не дожидаясь ответа, положила трубку. Все в этом маленьком, устоявшимся мирке офиса компании, твердо держащейся на плаву среди довольно непредсказуемого движения оптовой торговли замороженной рыбой и морепродуктами знали эти непреложное правило – звонок жены хозяина обязателен к исполнению, несмотря на любые ситуации в кабинете шефа.

Ирина проглотила слащаво-ироничный тон Элеоноры.

«Хоть не делала вид, что не узнала и то уже радуется, а то ведь могла жилы тянуть с допросом, а кто это, а где секретарь и почему так долго никто не брал трубку», -понеслись привычно мысли в голове. Элеонора была еще тем «цербером» в сравнении с ее мужем, тоже далеко не ангелом, и у Ирины подчас складывалось впечатление, что ей такая небольшая, но власть в бизнесе мужа доставляла просто-таки глубочайшее удовлетворение. А ее мужу, как последнее время догадывалась Ирина, несмотря на его вечные истерики и кажущееся недовольство таким вмешательством, все-таки льстила неприкрытая заинтересованность и желание совместно с ним порулить в, на первый взгляд, всецело его компании. В конечном итоге Элеонора имеет на такой тон право, призналась себе Ирина, если догадывается, а скорей всего догадывается, зная характер своего мужа.

– Ирина Евгеньевна, я уже бегу, -запыхавшаяся Вика, очень миленькая курносая брюнетка – секретарь с ресепшена подлетела к стойке, -спасибо вам огромное, я накладную проверяла у курьера, расходные материалы привезли, трубку, как всегда забыла, -виновато добавила она и, сжав губы в подобие улыбки, посмотрела на Ирину, с явным отчаянием в глазах, ожидая привычного выражения гнева, который в подобной ситуации непременно обрушился бы на нее, попадись она начальнику отдела продаж, а тем более шефу.

– Ничего, -улыбнулась в ответ Ирина, -всегда рада помочь, если только это в моих силах. —

Она озабоченно глянула на наручные часы с большим белым циферблатом и белым кожаным ремешком, который ярким браслетом выделялся на загорелом запястье.

«Минут через десять уже и выезжать пора.» – нахмурившись, подумала Ирина, открывая стеклянную дверь переговорной с выгравированными на прозрачной поверхности рыбками и вернувшись к столу, быстро вкладывая листы в прозрачные файлы цветных папок, закончила

работу, окончательно просмотрев и проверив их содержимое. Затем, собрав папки, она вышла из переговорной и, еще раз глянув на часы, решительно направилась в конец коридора, минуя менеджерскую, кабинет начальника отдела продаж, свой кабинет, сразу без стука открывая дверь кабинета шефа, с полным на то правом, являясь его личным помощником, правой рукой и не только...

– Да задолбала ты, – орал шеф в трубку. Ирина постучала пальцем по белому циферблату, выразительно округляя глаза.

– Сама идиотка, – проорал шеф и сердито грохнул трубкой в гнездо базы.

– Нет, ну какая же она ограниченная, просто тупая баба – моя жена. Ирина, ну на кой хрен мне все это нужно, если она не может разобраться с элементарным цветом кирпичей для дорожек в саду нашего дома. Как она могла заказать красные, если ей привезли белые. –

– Может в компании что-то напутали, – спокойно заметила Ирина.

– В башке она своей все напутала, в договоре четко прописано – белые, у ней в день заказа белые были, а сейчас она будет заверять весь мир, что заказывала красные, хотя какая фиг разница. Нет, ты понимаешь, я занят, а она звонит мне и орет, требует, чтобы я разобрался. Понимаешь, я разобрался с путаницей в ее башке. Ну скажи, Ир. Я столько бабок уже в этот дворец для нее вогнал, всем сам занимался, поручил ей лишь с дорожками у дома решить, а она с элементарными кирпичами умудрилась запутаться. Нет, у меня уже сил нет жить с этой овцой. –

Ирина никак не отреагировала на его пассаж.

– Ренат, опаздываем, – лишь строго произнесла Ирина, – в банке ждать не будут. –

– Да, сейчас поедем, – нервно бросил шеф, обеими руками поправляя идеально лежащие в модной прическе короткие черные волосы.

– Достала эта, – он не договорил, бросая на Ирину быстрый взгляд своих огромных темно-карих глаз. В них еще явно читался гнев, в который частенько и совершенно непредсказуемо впадал этот мачо, каковым являлся молодой всего тридцати с небольшим лет шеф Ирины.

«Хорош», – произвольно пронеслось в голове Ирины. У ней опять возникло это устойчивое ощущение восприятия образа шефа, пришедшее на ум уже при первом знакомстве – именно так выглядели гангстеры из кинофильмов, лохотенные черноволосые красавцы в элегантных костюмах с белоснежными воротниками рубашек. Тонкая полоска пижонских усиков и аккуратно обритые бачки усиливали это ощущение, но самое главное – этот взгляд, именно такой, которым, вдруг, практически мгновенно погасив гнев, глядел сейчас на Ирину шеф. Такая смесь явной оценки и абсолютно неприкрытой похоти. Такой взгляд мачо совершенно предсказуемо действует на женщин, Ирина и сама раньше... пару месяцев назад непременно бы почувствовала бы эти исходящие от него флюиды, поднимающие горячую волну в груди до дрожи в коленях и ждала, замерев, приближающегося к ней эффектно замедленно, не сводящего с нее этого опасно возбуждающего взгляда, готового к прыжку дикого зверя..., но сейчас она, лишь улыбнувшись краешком губ и, слегка отвернув лицо, уворачиваясь от грозящего ей поцелуя, твердо произнесла: – Ренат, мы опаздываем. –

– Черт, Ирина, конечно едем, – глаза шефа стали обычными и он, почти вплотную подошедший к ней, с тяжелым вздохом развернулся и вернулся к столу, забирая с него мобильный и папку с документами. Ирина, не дожидаясь конца его сборов, развернулась и, мысленно прокручивая, а все ли она собрала и в нужном ли порядке сложила материалы для поездки, двинулась к двери кабинета шефа.

– Нет, красавица моя, для меня слишком сложно смотреть на тебя и не касаться, – его горячий шепот заставил оглянуться Ирину. Она лишь улыбнулась, заглядывая в его сузившиеся, почти черные от вожделения глаза, когда в дверях он все-таки приобнял ее за тонкую талию. Ирина равнодушно молча отстранилась от него и шагнула в коридор, пропуская его вперед.

– Так, -уже привычно гремел голос шефа, открывшего двери менеджерской, -ребята, я надеюсь, что к моему возвращению этот свеженький корабль с рыбой будет распродан.

– Да, Слава, -обратился он к вышедшему на его голос из своего кабинета начальнику отдела продаж, -Ирина со мной в банк, ты сам отзовишься на центральный склад, предупреди начальника склада, пусть там кладовщики и грузчики пошуршат, место нужно для свежемороженки идущей от норвегов освободить. Они уже отправили пару машинок семги и форели, у девчонок из ВЭДа переуточи количество, там, кажется, Оленька этот вопрос курирует.-

– Хорошо, Ренат, -высокий, крупный начальник отдела продаж громадиной возвышался над среднего роста, с довольно сухопарой фигурой, шефом, а уж хрупкой миниатюрной Ирине он вообще казался необъятным всегда добродушным бегемотом.

– Давайте, удачи вам, -пробасил он вслед, уже выходящим из коридора в холл, Ирине и шефу.

– Переживает, -на ходу бросил шеф.

– Еще бы, -серьезно ответила Ирина, -он мне здорово помог с этим проектом, с головой в нем.-

Впрочем шеф уже не слышал этих слов, уносясь вперед по коридору, как всегда при всех ее попытках подчеркнуть вклад того или иного члена их дружного коллектива в развитие компании, считая судьбоносными только свои решения, а любые другие пусть самые креативные, плодотворные предложения, из которых проистекали действия повышающие эффективность работы компании, неважно от служащего какого уровня они происходили – будь то коммерческий директор или обычный менеджер, все воспринималось как должное, не больше чем рутинная работа.

– Мы одна семья, -отбивался шеф, многозначительно поглаживая Ирину руку, с явным скепсисом поглядывая в ответ на ее горячее объяснение, почему именно этот сотрудник заслуживает допремирования в этом месяце, – и нечего выделять данного товарища, поскольку все остальные работают не меньше. Сегодня его предложение выстрелило, завтра другого. Иметь будем все и не плохо... У тебя такая шикарная блузка, так небрежно грудь подчеркивает вырезок, так и хочется расстегнуть еще одну пуговку и заглянуть подальше... —

Что могло произойти дальше, Ирину уже не волновало...

– Вика, мне из Швеции звонить будут по поводу интернет-заказа, -озадачивал он уже почти на выходе секретаря ресепшена, -перенаправь его в Норвегию, когда я там буду, посмотри по плану командировки.-

Они прошли мимо сидящего у центральной двери охранника и почти бегом двинулись по дорожке к подогнанной предварительно шофером шефа, серебристой «Ауди». Очередной июльский циклон накрыл мегаполис, принося совсем не летнюю прохладу, и дождь, уже с утра поливавший московские улицы, опять усилился, словно небесам приспичило разверзнуться именно в тот момент, когда Ирина с шефом вышли из дверей офиса.

– Генка, дуй назад, я сегодня сам за рулем, -бросил на ходу Ренат шоферу открывшему дверцу «Ауди» перед шефом. Тот лишь молча кивнул и быстренько рванул к дверям офиса. Ирина привычно разместилась на переднем сиденье, закидывая сумку назад и держа на коленях папки с разложенными в них листами бизнес-плана.

– Ренат, чего это ты решил сегодня сам порулить, -с явной иронией поинтересовалась Ирина у шефа, который, включив зажигание, осторожно выруливал на проезжую часть, пропускающая пролетающие по ней машины. Наконец «Ауди» рванулась вперед и пошла в потоке машин. Все-таки шеф был прекрасным водителем, чувствуя дорогу, уверенно держа руль. А личный водитель – статус обязывал.

– Да просто захотелось побыть с тобой наедине, красавица моя, -и Ренат положил свою смуглую руку на ее тонкие длинные пальцы, чуть поглаживая их. Тускло блеснуло золотыми гранями рифленое обручальное кольцо. Ирина еле сдержала вздох. Опять же, пару месяцев

назад, когда их роман был в самом разгаре, она еще горела этой совершенно поглотившей ее страстью к своему молодому начальнику, когда она была готова пойти за ним на край света, зная о постоянных скандалах и разборках с его женой, уверенная, что только совместный бизнес держит их еще вместе, и возможно ее зловредная гордость привязывает его к ней, задыхаясь от этой неуправляемой страсти в его объятиях и слушая постоянные жалобы на бесконечные казусы жены, она засыпала с немой мольбой, обращенной к небесным силам и даже, смешно вспомнить, к его жене, отпустить его, готовая принять объект своей одуряющей страсти в любом виде – нищего, хромого, слепого, только бы он стал ее, только бы он всецело принадлежал ей. Ирина с усмешкой глянула на недавний предмет своего вожделения и отвернулась к окну. До какой же степени нужно быть слепой и так не уважать себя, деля чужого мужчину с другой женщиной – его законной женой, мучиться от тоски, буквально сводя себя с ума в ожидании звонка. Эти короткие встречи, страстный секс и дикий ужас, буквально парализующий это красивое, казавшимся таким родным лицо, когда неожиданно во время тайных свиданий раздавался звонок жены. Как было больно, когда еще полуголый изощренно выкручивался и смело лгал этот такой уверенный в себе мачо, придумывая самые невероятные истории и сюжеты, втягивая в бесконечный круг вранья некоторых из друзей и даже своего шофера. Но Ирина, словно одурманенная каким-то наговором, опоенная заклятым напитком, совсем ослепленная своей страстью закрывала глаза на все, не видя ироничных взглядов коллег, не слушая сплетен и не замечая откровенных ухмылок бывшей любовницы шефа, отправленной им в общий отдел внешнеэкономической деятельности, место которой в кабинете его помощника и в постели, как теперь понимала Ирина, она и заняла. Она ведь даже не предполагала, что все так обернется, честно работая помощником генерального в небольшой торгующей разнообразными консервами оптовой компании, куда к ее шефу – своему хорошему другу и зарулил в один из дней Ренат Вахитович. А потом, после участвовавших заруливаний, он предложил Ирине занять место своего помощника в своей компании уже совсем другого уровня и масштаба, соответственно с таким же масштабным материальным обеспечением, что совсем одухотворило Ирину, к тому времени успевшую развесить с мужем-алкоголиком, промучившись с ним в браке десять долгих лет.

– Ренат Вахитович, я ведь английским не очень владею, это может быть серьезной проблемой, -осторожно поинтересовалась Ирина, с ужасом ожидая краха такой интересной перспективы.

Ренат лишь пожал плечами, показывая, что совсем не видит в этом проблемы.

– Вообще-то я сам им прекрасно владею, в офисе большой отдел внешнеэкономической деятельности, а помощник – это, прежде всего, работа с внутренними подразделениями всей компании и поверь, Ирина, здесь и без внешнеэкономической деятельности захлебнуться можно. Фактически это управляющий моим хозяйством, в том числе и ведающий кадровой политикой компании и имеющий вообще максимально широкие полномочия.-

Шеф сам предложил беспроцентный кредит, узнав, что она выплачивает ежемесячные суммы за приобретенную три года назад однокомнатную квартиру в Подмоскowie, погашая любезно предоставленный заем ее прежним начальником, знающим бедственное положение в семейной жизни и маету с периодической сменой съемных квартир, таким образом, поощрив Ирину за честную работу. Ренат Вахитович лично выплатил требующуюся сумму своему другу, чтобы совсем не было никаких препятствий для ее перехода к нему. С новой зарплатой она уже через полгода погасила кредит. Этот жест впечатлил Ирину, неизбалованную мужской заботой. Наконец, бесконечные совершенно нескрываемые от посторонних глаз ссоры с женой, вечные его жалобы на злосчастную жизнь и высказываемые все чаще пожелания что-то изменить в своей тягостной судьбе, а главное, его гангстерская улыбка и взгляд чуть прищуренных глаз, сыграли с ней злую шутку. Одиночество угнетало, и все более откровенные знаки внима-

ния буквально бросили ее в омут запретной страсти, закружив в неизбежном романе с женатым мужчиной...

– Слушай, ну какая я тебе красавица, -запоздало отметила, отвлекаясь от своих мыслей Ирина.

Ренат лишь удивленно глянул на нее и опять обратил все внимание на дорогу. Машина еле двигалась в привычной для Фрунзенской набережной пробке.

– Тебе нужно почаще на себя в зеркало смотреть, – заметил он, не отрывая взгляд от двигающейся впереди белой «Рено». Ирина тут же демонстративно глянула в маленькое зеркало. Да, вызывающей красавицей она не была, но, а так вполне. Светлые от природы пшеничные волосы, темнеющие в ее тридцать с небольшим хвостиком, приходилось уже слегка мелировать, но Ирине это очень шло. Модная укладка выпрямленных упрямо стремящихся к волнистости волос чуть ниже плеч, неброский макияж, загорелое, как бы его охарактеризовали в специальных изданиях по макияжу, V-треугольное лицо. Да, бесспорно очень красивые большие зеленые глаза в обрамлении густых черных ресниц. Ирина даже вспомнила, как в старших классах еще советской эпохи ей строго выговаривала классная: – Ирина, признайся, ты приходишь в школу с накрашенными ресницами.-

А Ирина, почти рыдая от такой неприкрытой несправедливости, доказывала, как она может быть виновной в том, что у нее такие черные ресницы при пшеничного цвета волосах. Тогда ей просто никто не мог сказать, что это очень сексуально.

– Но не фотомодель, -равнодушно констатировала Ирина после рассмотрения себя в зеркало.

– Я тебя умоляю, Ирин, – иронично заметил Ренат, -да ты лучше раз в сто этих худосочных... Ну, куда ты лезешь, козел, – тут же заорал он, резко притормаживая, пропуская буквально втискивавшуюся между его «Ауди» и белым «Рено» потрепанную девятку.

– Задолбали эти чайники и эти пробки, -процедил он сквозь зубы, на ходу открывая окно и прикуривая сигарету. Он затянулся и вдруг внимательно, чуть прищурив глаза, посмотрел на Ирину.

– Послушай, ты сегодня все время молчишь, мне даже страшно, такая чужая, отстраненная, прямо вся в себе, ну не пугай меня.-

Он выбросил окурок и закрыл окно. Ирина упорно молчала, глядя на дорогу. Ренат вдруг наклонился и чмокнул ее в щеку.

– Ну не обижайся, дорогая, ну не смог я вчера к тебе приехать. Эта овца Элеонора, мне весь мозг изнасиловала. У ней опять случился приступ бешенства одного места. Пришлось везти ее к очередной девочке.-

Этой слабостью жены к женским ласкам Ренат даже гордился, с удовольствием обсуждая с приближенными мужиками офиса на собираемых иногда собраниях для обсуждения текущих дел компании возможные варианты таких встреч. Он и Ирины, в силу своего положения в компании неминуемо, хотя не очень для нее желательно, присутствующей на таких собраниях, особо не стеснялся. Он искренне считал, что это пристрастие лишь подчеркивает продвинутость и некоторую модную экстравагантность его неординарной жены.

– Ей понравилось? -равнодушно спросила Ирина.

– Она захлебывалась слюной, когда мне все потом в деталях рассказывала, даже пришлось ее дома трахнуть, так она меня подогрела рассказом... Ты знаешь, -Ирина с удивлением уловила в его голосе печальные нотки, когда он через некоторое время продолжил, -я ведь вчера чуть с ума не сошел, так хотелось в постель не к ней, а к тебе, -и он так многозначительно посмотрел на нее. Да пару месяцев назад она бы задохнулась от безмерных чувств, которые буквально бы сожрали ее после такого признания и взгляда, но сейчас, она совершенно равнодушно, краешком губ, улыбнулась ему и тихо произнесла: – Ренат, смотри на дорогу, пожалуйста.-

– О черт, -только и вырвалось у того, когда ему резко пришлось ударить по тормозам, чтобы не врезаться в задницу, так и тащащейся в потоке, нагло влезшей перед ними пошарпанной девятки.

А Ирина четко вспомнила этот вечер пятницы и корпоративчик, случившейся чуть больше пары месяцев назад. Совершенно стандартную попойку, устраиваемую шефом несколько раз в месяц по поводу и без повода для усиления корпоративного духа и углубления остроты ощущения локтя коллеги по твердому убеждению шефа, способствующих поддержанию такой, чисто семейной атмосферы для более продуктивной работы коллектива. Нужно отдать ему должное, на такие общие загулы – корпоративы, приглашались все служащие компании. Помимо немногочисленного штата офиса, отдыхали работники и других подразделений – складов и торговых точек, водители транспортного отдела. Нализались, как обычно, почти все, дикое веселье кружило голову, наполняя легкой безалаберностью мозги. Складывалось все как-то само собой. Кто-то увлеченно скакал под дико орущие звуки модных композиций, кто-то зажимался с коллегой в темных углах полуосвещенной менеджерской, превращающейся в такие вечера в банкетный зал. Ирина, насмеявшись над приколами Игоря Борисовича – начальника таможенного отдела, под шумок его льющихся острот выскользнула из менеджерской и пошла, что называется, припудрить носик. Она пересекала холл. У стойки ресепшена Ренат, совершенно не таясь, стоял рядом с новенькой, всего неделю отработавшей девочкой из бухгалтерии, что-то увлеченно объясняя ей, смотря при этом тем знакомым Ирине взглядом, наполненным неприкрытой похоти и это явно действовало. Девушка совершенно завороченно, не спуская с него глаз, слушала его, и разговор был явно не о работе, она даже чуть открыла рот, вполне сама готовая впитаться горячим поцелуем в его узкие губы. Его рука вполне свободно бродила под ее, весьма коротким платьем, уже значительно выше коленки. Ирине стало слегка дурно. Как... вот так, не скрываясь, практически на виду у всех. Девочка окинула нарисовавшуюся в холле Ирину убийственным высокомерным взглядом, как нечто нарушившее ход весьма занятой беседы со всемогущим шефом. Ренат, наконец, увидел Ирину, руку, конечно, убрал, но ни мало не смутившись, радостно воскликнул, этой же рукой пьяно взмахнув, приглашая ее подойти.

– Ирин, иди к нам мы тут так мило болтаем. Юля... да Юля? -спросил он у девушки, – прости, забыл, -бросил он.

Ирина промолчала, горечь наполнила душу мгновенно и, пытаясь подавить в себе эту поднимающуюся волну боли, она молча шагнула в коридор за холлом.

– Ага, ревнуешь, -выкрикнул лишь пьяно вслед Ренат. А она действительно ревновала и ничего не могла с собой поделать. Она ревновала его ко всем, к новеньким женщинам, только начинающим работу в компании, к совершенно незнакомым дамам, с которыми Ренат вполне любезно общался на собеседованиях, если Ирина считала, что ему лично нужно было посмотреть кандидата, даже к бывшей любовнице, с которой Ирину сталкивали служебные дела и которая подспудно, языков полунамеков, на которые способны только женщины, да еще соперницы, хоть и бывшие, всячески пыталась съязвить и задеть самолюбие Ирины. Ренат, в общем-то, сам ничего не скрывая, даже с гордостью, сообщил о своих отношениях с ней.

– Ну я же мужик, -самовлюбленно добавил он, – настоящий мужик, я трахаю все, что движется.-

Тогда Ирина не очень поверила ему, посчитала бравадой что-ли, некоторым простительным преувеличением. Да разве ее мозги в состоянии были соображать, тогда, в самом начале такого головокружительного романа с состоявшимся в жизни мужчиной, таким сильным и таким успешным, после унылого ее брака. Совершенно убитая Ирина зашла в пустой экономический отдел и без сил опустилась на первый попавшийся стул. Она так хотела побыть одна, но дверь тут же распахнулась и в кабинет, слегка пошатываясь, с бокалом мартини в руках вползла сама Элеонора. Что ее так тянуло на эти корпоративы – Ирина никогда не понимала.

Вполне яркая, красивая женщина, всегда элегантная и ухоженная. Успешная бизнеследи, владеющая сетью салонов красоты, Элеонора, как даже и сравнить Ирине не с кем было, банально нажиралась в полный хлам, отдаваясь безумному веселью в окружении хорошенько поддатых, пожирающих ее откровенными взглядами грузчиков, водителей и охранников, совершенно игнорируя присутствие мужа. Видимо такая обраточка в ответ на бесконечные, плохо скрываемые, похождения мужа.

– А ты чего здесь одна тухнешь, -Элеонора, пошатываясь, прошла к столу и плюхнулась на стул напротив Ирины, грохнув бокалом с мартини о стол. Она даже не обратила внимание на выплеснувшуюся из бокала жидкость.

– Тоже надоед мой, сука – муженек, -и она заговорщицки, подмигнула Ирине.

– Стоит, окучивает новую телку, козел. Наверняка ездит ей по ушам, какая я самая последняя сволочь, самая тупая зараза и не даю ему жить. Это все знают, это он всем растрепал, только никто не знает, -и она, вдруг резко перегнувшись через стол, наклонилась к Ирине и, глядя на нее, впрочем, уже явно не понимая, кто перед ней, облизывая пересыхающие от алкоголя губы, горячо зашептала, -все дуры, все эти глупые курицы, считающие его крутым мужиком даже не подозревают, какой он трус. Да, да, самый обычный трус. Он смертельно боится потерять всё. Он четко знает – разведись он со мной и привет родная Бугульма, у него ничего не будет, потому что деньги на все ему дал мой отец и это все его благополучие и великопение, – Элеонора пьяно махнула вокруг себя рукой, -все благодаря моему отцу, который благодетельствовал его – нищего студента из общаги.-

Она замолчала, глядя в пространство перед собой, а потом вдруг всхлипнула, и Ирина, даже с некоторым ужасом, увидела, как слезинки, одна за другой, потекли по покрытым загаром ламп солярия щекам Элеоноры, а она небрежным жестом пьяного человека пыталась смахивать их, но лишь размазала тушь по своему красивому, холеному лицу.

– А ведь я люблю его, подлеца, как и студента нищего любила, так и теперь, вот такого важного, успешного, -тянула Элеонора, раздувая щеки, не очень удачно пытаясь изобразить надутого от понимания собственной значимости мужа, -а ему наплевать. Он, гад, уже совсем нух потерял, ничего не боится. Я ведь даже подруг завести не могу, – захныкала опять Элеонора, -он уже всех еще институтских моих подруг перетрахал. Здесь со склада обычную кладовщицу, я ее пристраивала, знакомая моя попросила, она быстро правда уволилась, мне свои люди об их начавшемся романе своевременно сообщили. Нет, ты понимаешь, даже жену его бывшего партнера, пока не поругались, успел. Сейчас эта у ресепшена, аж трясет ее всю от вожделения, так пакостно от всего. Ну почему бабы дуры такие и чего лезут к нему, как эти... ну красиво так... бабочки на огонь... А... – Элеонора тяжело поднимаясь, махнула рукой, и двинулась все так-же пошатываясь к дверям. У самых дверей она обернулась и Ирине показала, что глаза ее вполне осмысленно глянули на нее.

– Ты не похожа на этих глупых коров, ты умная, не надо, – и опять мутнея взглядом, вышла из кабинета, не закрывая дверь.

А с Ирины после этого вечера словно морок сошел. Как бабка отщептала, словно тяжелая болезнь отпустила, и стало легко дышать. Ее уже не волновал явный интерес шефа к новой сотруднице, стало совсем легко общаться по рабочим вопросам с бывшей его пассией, не обращая внимания на ее колкости, она засыпала без всяких мыслей о нем, и его гангстерская усмешка уже не вызывала в ней никаких эмоций. Ей было только очень жаль его жену и этот, бездарно убитый на пустые чувства, почти год своей жизни.

Она вспомнила и тот понедельник после пятничного корпоратива, когда Ренат, как всегда без стука, ввалился в ее кабинет и, пройдясь по рабочим моментам, вдруг наклонился и обнял ее за плечи.

– Как я соскучился, -горячий шепот не закружил привычно голову.

– Ренат, -спокойно, чуть отстранившись, произнесла Ирина, -а ты не думал о разводе. Мы могли бы... —

Ренат отшатнулся, как от удара и, нависая над столом, с нескрываемым удивлением смотрел на нее. Вдруг сузившиеся глаза блеснули холодом и даже враждебностью.

– Ирина, она мать моих детей, а семья – это святое, дорогая, это незыблемо.-

Ирина лишь молча смотрела на него и только одна мысль добивала – почему она сразу в начале отношений хотя бы сама не задалась этим вопросом.

– Ты пойми, красавица моя, в этом я весь, мне нужно две женщины, я же люблю тебя, ты любишь меня, так можно дожить до старости, ничего не меняя и быть совершенно счастливыми. Да поверь, была бы возможность, я бы женился на тебе, не задумываясь. Ир, зачем менять то, что так красиво сложилось, ну хочешь, я все расскажу Элеонорке, попробуем жить шведской семьей.-

Ирина еле сдержалась, чтобы не расхохотаться ему прямо в лицо.

– Нет уж, не нужно для меня таких жертв, -с деланной патетикой произнесла она.

– Ну, твое дело, -секунду подумав, согласился Ренат, явно сразу осознав бредовость своего предложения.

Он шагнул к двери кабинета.

– Не сходи с ума, дорогая, мне ведь тоже больно, – у самых дверей тихо произнес он, не оборачиваясь и вышел. Ирина задумчиво посмотрела на дверь.

– Поздно, слишком поздно ты мне это сказал, – прошептала Ирина, в душе ничего не дрогнуло. Все-таки права Элеонора – изрядная он сука, со своими принципами, а она так серьезно, отдавая душу...

– Черт, -ругнулся Ренат оглядывая переулок, в который они заехали, -даже машину приткнуть негде, -и он, медленно проезжая ряд заполнивших все, в том числе и детскую площадку, и тротуары, разнообразных, по большей части новеньких, блестящих, разноцветных иномарок представительского класса, наконец увидел подходящее место и ювелирно воткнул свою «Ауди» между «Крайслером» и «Лексусом».

– Ха, -выдохнул, вылезая из машины Ренат, пикая дистанционным ключом, блокируя двери машины, -и эти банковские крысы еще вечно ноют, что маленькие зарплаты, да у моих менеджеров машины и то попроще будут.-

Внизу новенького многоэтажного офисного здания, вокруг которого и парковалось такое обилие машин, построенного почти в центре Москвы по принципу точечной застройки, говоря простым языком – «лишь бы воткнуть и качать бабки», присущей всей эпохи развивающегося капитализма, над тяжелыми стеклянными дверями, играющими позолотой массивных ручек, висела помпезная вывеска, обозначающая присутствие в здании одного из множества наплывших за те же благословенные годы «свободной рыночной экономики», впрочем, довольно известного банка. Ирина с шефом шагнули через тяжелые двери в просторный вестибюль.

– Нам назначено в дирекцию, -буркнул шеф у стойки охраны, протягивая их паспорта молодому парню в форме. Еще минуту пришлось подождать, пока охранник свяжется с секретариатом и, вернув паспорта, нажмет кнопку, пропуская их в зал перед лифтом. Пока ждали лифт, Ирина с любопытством огляделась. Справа от лифта операционный зал, в котором в многочисленных окошечках сидели молодые девушки – менеджеры в белых блузках и одинаковых косыночках малинового цвета. Рядом с лифтом вилась вверх мраморная лестница. Наконец бесшумно опустился лифт, и Ирина с шефом, молча, вошли в зеркальное нутро лифтовой кабинки.

Ирина прижимала цветные папки к груди, вся ушедшая в свои мысли, смотря перед собой невидящим взглядом, лишь машинально отметив, что ей все-таки идет этот строгий черный костюм с пиджаком в талию и узкими черными брючками, идеально сидящий на ней и подчер-

квивающий стройность фигуры, а безукоризненно белый воротничок выгодно оттеняет легкий загар лица.

– Волнуешься, -наконец нарушил молчание Ренат, когда лифт плавно начал подъем на седьмой этаж.

– Волнуюсь, -согласно мотнула головой Ирина, -нужно было каблучки пониже одеть, а то как-то вызывающе, – задумчиво произнесла она.

– Шутишь, -лишь ухмыльнулся Ренат, и тонкая полоска усиков краешком приподнялась.

Ирина промолчала. А она действительно волновалась и даже очень, и чем ближе был седьмой этаж, тем отчаяннее колотилось сердце. Это была всецело ее идея. Когда она, будучи помощником Рената, изучила все вопросы касающиеся деятельности его довольно обширного предприятия, состоящего из головного офиса, нескольких складов – холодильников и сети розничных точек, акцентировалась на очень волнующих Рената вопросах снижения потерь, именно ей пришла в голову идея создания цеха на одном из выкупленных к тому времени фирмой Рената холодильных комплексов в Подмоскowie. Эта идея очень понравилась Ренату и представителям банка – основного кредитора компании «Пасифик Оушен», одним из трех основных акционеров которого, весьма кстати, являлся одноклассник Элеоноры. Ирина тогда не особо любопытствовала, не задавая лишних вопросов шефу, хотя и так было понятно, что это обстоятельство играло немаловажную роль в выборе сотрудничества с определенным банком.

– Твоя идея, -сказал ей Ренат после собрания всех управленцев компании, на котором они очень даже заинтересовались вынесенным на общее рассмотрение вопросом, – ты и готовь бизнес-план по цеху глубокой заморозки охлажденной рыбы. Все исходные данные подготовят другие подразделения, я уже распорядился, начальники отделов помогут, ищи подрядчика на тендерной основе, если нужно – слетаем к норвегам, посмотрим их цеха. Да, самое главное, я думаю, ты и будешь руководить новым производственным подразделением с долевым участием, при условии, что останешься моим помощником. Ок? – многозначительно добавил Ренат.

Ирина тогда в восторге бросилась к нему на шею. О таком подарке она даже мечтать не могла. Технолог-пищевик по образованию... это все ее, такое знакомое и очень интересное дело, в отличие от всякой секретарской нудности, да еще с перспективой руководить почти собственным производством, пусть в долевым варианте.

– Ренат, я, наконец, смогу купить трешку, -лишь блаженно зажмуривая глаза, произнесла она, прижавшись к груди шефа, с необыкновенной благодарностью, заполняющей душу и наполняя ее такой чарующей эйфорией, чувствуя себя на неведомых высотах в ответных его крепнущих объятиях.

– Считай, -нарочито грубовато ответил Ренат, -по цифрам сама поймешь, как тебе поступать, но я думаю вопрос лишь в сроках выплаты ипотечного кредита.-

Ирина просто с необычайным энтузиазмом взялась за дело, вытряхивая нужные ей показатели из начальников служб, мотаясь по складам, лично вымеряя картонные коробки для упаковки, проверяя на свет толщину упаковочных мешков, до миллиметра просчитывая размеры складских клеток для хранения, пропадая на базовом холодильнике с его инженером, меряя квадраты площадей и рисуя расстановку технологического оборудования автоматических линий. Она перевстречалась со всеми возможными подрядчиками и определила круг фирм поставщиков оборудования, составила и утвердила технические условия и утрясла всевозможные тонкие моменты с санэпидемслужбами, и еще массу необходимых деталей.

– Дорогая, я боюсь за тебя, -зашедший как-то к ней в кабинет Ренат лишь искоса наблюдал, как на экране компьютера, на его глазах рождались цветные графики будущего бизнес-плана.

– Ты уходишь с работы поздней меня, Ир, мы с тобой давно не были в гостинице, вообще-то я соскучился... —

Ирина, наконец, соизволила глянуть на него. Уже случился примечательный корпоратив, так решительно изменивший ее жизнь, и так удачно возникла эта идея с новым проектом, идеальная отмазка для отмены встреч. Ирина понимала – отмазка временная и очень призрачная, правду сказать придется, но в захватившем ее с головой проекте думать об этом совсем не хотелось.

– Ренат, я там в экономический отдел новую женщину приняла на место ушедшей в декрет Оленьки, довольно симпатичная, да ты вспомни, на финальном собеседовании вы, по-моему, уже кокетничали, она даже интересовалась твоим возрастом, правда она замужем, но думаю, тебя это не особо смутит.-

– Ирина, ты меня обидеть хочешь, -Ренат резко отодвинулся от ее стола.

– Ничуть, заяц, твой принцип – трахаю все, что движется.-

Ренат вышел из кабинета, грохнув дверью, и тут же в коридоре послышался его дикий ор, которым он оглушил попавшегося неудачно под руку менеджера отдела продаж, бредущего по коридору с чашкой в руках.

Конечно Ирина волновалась. Акционеров банка трое. Двоих Ирина видела на совещаниях с управленцами компании, они иногда принимали участие в пятничных корпоративах в офисе. Один из них знакомился на встрече у финансового директора с ее бизнес-планом и вполне остался доволен им.

– Я, в принципе, не против, откредитуем. Весьма всё интересно, думаю, Борька артачиться не будет, но вот насчет Кириухи я не уверен, ему нужны железные аргументы. Он вообще ярый противник разворачивания любого производства в России. Свой взгляд. Не считает экономику настолько стабильной. Я тут ничем не помогу, у него доля больше, чем у нас двоих вместе с Борькой взятых, не рисковый он человек.-

Вот этого третьего, темную фигуру, Ирина и боялась больше всего...

Лифт, слегка дрогнув, остановился, и двери бесшумно открылись. Ирина с Ренатом вышли в коридор и по темно-красной, с черными прожилками, ковровой дорожке двинулись мимо огромных, почти до пола, окон вглубь коридора, где в конце виделась массивная стойка ресепшена темно-красного дерева. Ирине показался довольно уютным и совсем не помпезным этот коридор и ресепшн. Чувствовалась серьезная продуманность интерьера известного солидного банка, обстановка не угнетала, наоборот, плотно заставленные горшками с цветущими кустиками растений, низкие мраморные подоконники казались яркими клумбами и оживляли этот довольно стандартный в дизайнерском решении кусок офисного здания. Вокруг ресепшена и даже около двери стояли в больших кадках натуральные пальмы с острыми разлапистыми листьями. Навстречу им из-за ресепшена вышла милая женщина-секретарь средних лет, с приятным умным лицом.

– Проходите, пожалуйста, -открыто улыбнулась она белозубой улыбкой, – вас уже ждут. Чай, кофе? —

– Чай, -буркнул, никак не реагирующий на ее любезность, Ренат.

– А мне кофе, пожалуйста, -улыбнулась, так же открыто, женщине Ирина.

Секретарь распахнула перед ними дверь.

– О, Ренат, здоров, -навстречу им поднялся из большого кресла полный, молодой, но уже лысоватый человек в черном костюме, со слегка присыпанными перхотью плечами. Он энергично потряс руку Рената.

– Ирина, приветствую, -любезно склонил он слегка голову, а затем даже приложился к ее руке своими пухлыми губами. Именно он уже был ознакомлен с бизнес-планом и настроен вполне благосклонно.

– Привет, Борис, -бросил Ренат, усаживаясь у большого круглого черного стола, не дожидаясь предложения, спокойно располагаясь в черном кожаном кресле, подтягивая к себе хрустальную пепельницу и, затягиваясь, прикуривая сигарету.

– Привет, привет, -буркнул Борис, второй несколько угрюмого вида молодой человек, с которым Ирина тоже была знакома. Круглые очки в металлической тонкой оправе, а особенно рубашка и цветной в клеточку трикотажный жилет делали похожим его на классического научного работника из фильмов советской эпохи, хотя и рубашка и жилет явно были приобретены не на Черкизовском рынке, а в одном из магазинов Милана.

– Вы опоздали, -с довольно кислой миной произнес он.

– Пробки, -равнодушно ответил Ренат.

– Я так и понял, Кирилла тоже нет. Звонил, стоит в пробке, он прямо из аэропорта, вернулся из Флоренции, погулял там на выходные, разрешил начинать без него.-

– Ну, так в чем дело, -Ренат привычным движением стряхнул пепел с кончика сигареты, -нам лучше, без этого нудилы быстрее закончим.-

Женщина-секретарь внесла на подносе чашки и, быстро расставив их на столе, тихонько прикрыла дверь.

– Ну, Ирочка, -полноватый молодой человек, кажется Вадим, вполне ободряюще улыбнулся Ирине, -вам слово.-

Ирина положила на стол перед каждым приготовленные ею объемные папки с файлами. Ренат курил, периодически отхлебывая чай и даже не коснулся папки, уже заранее, довольно серьезно, изучив объемистый Ирин труд.

Борис все с той же кислой миной переворачивал страницы, особо не вдаваясь в значения вычерченных графиков и планов цеха, чертежей с оборудованием. Он лишь уткнулся в страницу с финальными расчетами, оценивая более весомые для него цифры выведенной суммы кредита и срока окупаемости.

– Как вы планируете использовать кредит, -живо поинтересовался пухленький Вадим, закуривая сигарету ровно в момент, когда Ренат загасил резким движением в хрустальной пепельнице свою.

«Началось,» -пронеслось в голове Ирины. Этот едкий дым, на таких вот совещаниях, в прокуренных помещениях, безумно раздражал некурящую Ирину. Быстро начинала кружиться голова в момент, требующий серьезного напряжения мозгов. Ирина наклонилась к столу, переворачивая файлы в папке.

– Десятая страница, пожалуйста, там график запуска производства и соответственно использование кредитных денег. Вся сумма сразу не понадобится, а последний привлеченный транш – это практически полный запуск производства и деньги уже пойдут как первичные оборотные средства... —

В этот момент ее объяснения за спиной хлопнула дверь. Ирина лишь краем глаза заметила, как молча кивнули сидящие вокруг стола присутствующие, видимо в ответ на такой же молчаливый кивок у Ирины за спиной. Она подняла голову, отрывая взгляд от десятой страницы, и увидела спину высокого мужчины в светлом, слегка помятом льняном костюме. Он, подошел к окну и резко рванул створку, такого же как в коридоре, огромного окна, запуская в прокуренное помещение струю свежего воздуха, наполненного влагой чуть утихнувшего дождя и стоял так, всматриваясь во что-то заинтересовавшее его, не поворачиваясь, не вмешиваясь в разговор, похоже даже особо не вникая в суть происходящего в кабинете, с полным равнодушием, засунув руки в карманы брюк. Ирина почему-то не могла оторвать взгляд от его прямой спины.

«Шикарная фигура», -вдруг из-под сознания выползла странная, нелепая, несколько оглушившая Ирину своей неуместностью в данной ситуации, мысль.

– Ирин, сумма серьезная, а нельзя минимизировать как-то, -взедливо протянул Борис.

– Я, в общем-то, рассматривала два варианта, -Ирина отвечала со знанием дела, тут же концентрируясь на заданном вопросе, -простейший низко затратный с дешевым оборудованием и... -она говорила, совсем не слушая себя. Высокая фигура не давала покоя. Мужчина молчал и, казалось, даже не присутствовал на презентации. Ирина все чаще бросала в его сторону взгляды, осторожно рассматривая его. Аккуратно уложенные светлые волосы.

«Надо же, цвет почти как у нее, только чуть темнее, в большую рыжину что-ли.» Она вдруг совершенно четко прочувствовала, моментально мысленно нарисовав картину, как ее руки вот так..., если она подойдет к нему сзади, взъерошат эти волосы, пропуская их рыжину между пальцами.

– Второй вариант предполагает установку полностью автоматизированной линии, с большей пропускной способностью и соответственно более затратный, -дошел до нее свой монотонный голос и снова исчез в наползающих мыслях.

«Костюм от Армани... или Валентино. Нет, ему явно нет сорока, ни одного седого волоса... Нет все-таки от Бриони.» А дальше с волос осторожно на шею и даже можно коснуться губами, вдохнуть его запах... Правда придется встать на цыпочки, но разве это помеха...

– Так чем вы объясните предложение двух вариантов? —

Неожиданный вопрос резко развернувшегося мужчины застал Ирину врасплох, а то, что она увидела перед собой, загнало ее в легкий ступор, перехватывая дыхание.

На нее смотрел оживший плакат какого-нибудь модного мужского парфюма. Нет, не лишенный пола юный фотомодель смотрел на нее, но яркий мужчина с несколько грубоватыми, но такими мужественными чертами предстал перед ней, сраженной наповал неожиданностью увиденного. Пронзительно серые глаза настолько серьезно и требовательно смотрели на нее в ожидании ответа, что Ирина смешалась еще больше. Узкие ровно очерченные губы плотно сжаты в упрямую линию. Она даже почувствовала, что вопреки себе начинает краснеть. Модная прическа и слегка небрежно повязанный галстук чуть темнее костюма. Мужчина был вызывающе элегантен и как-то... может, аристократично изыскан? Лихорадочно подбирала Ирина мысленно хоть какое-то объяснение увиденному, и это было сейчас для нее важнее, чем вся суета с презентацией.

«Одуреть», -окончательно сложилось в мозгах ошарашенной таким явлением Ирины.

Она совсем физически ощутила, какой холодный эгоцентризм излучает взгляд этого, подчеркнуто уверенного в себе человека, заполняя все пространство вокруг себя неприкрытым, легко проглядываемым во всех его движениях и манере держаться высокомерием холеного преуспевающего небожителя, вынужденного иногда за, неизбежно напоминающими о себе делами, спускаться на грешную землю и тратить свое драгоценное время на различные возникающие на горизонте незначительные личности, каковой на данный момент и являлась для него Ирина, влезшая со своей банальной презентацией в его глобальные планы. Ирина терпеть не могла вот таких повернутых на себе современных нарциссах. И именно это чувство недоверия и опаски к такой категории мужского сообщества несколько отрезвило ее, и она, еще до конца не пришедшая в себя, уже начала внутренне собираться, пытаясь подавить в себе, несомненно ярко проявившейся интерес, который постепенно глушился все более четко обозначающейся неприязнью по мере дальнейшего изучения этого банкира с аристократическими замашками.

«Высший класс», -тем не менее, пронеслось в голове в ответ на появившуюся на гладко выбритом лице гримасу, подчеркивающую ожидание.

– Для надежности, -резкая фраза явно озадаченного ее молчанием Рената, смотрящего на нее хмурым удивленным взглядом, привела Ирину в чувство, заставляя, наконец, собраться и оторваться от изучения неординарного субъекта.

– Первый вариант рассчитывался на малые объемы, он более эффективен при использовании простейшего оборудования, но отличается большей затратностью по оборотным средствам. Его можно рассматривать как первую стадию, которую довольно несложно трансформировать во второй, более сложный вариант с использованием дорогостоящей автоматической линии. –

Ирина с каким-то вызовом глянула на стоящего у окна мужчину: -в общем, это уважаемым банкирам решать, с каких объемов нам начинать, риски существуют и по первому варианту и по второму, и они просчитаны и представлены в этом проекте, но возможные объемы сырья, каковыми мы можем располагать уже на сегодняшний день, вполне позволяют выйти сразу на обработку на автоматических линиях с минимальным привлечением ручного труда... —

– Что является, несомненно, гарантией выпуска более качественной продукции, -закончил за нее мужчина.

– И снижения в будущем оборотных средств, -кивнула, подчеркивая полное согласие с ним Ирина.

– Кирюх, да ты посмотри бизнес-план, ну блин, все понятно, -развел руками пухлый Вадим.

«Безумно, безумно интересный Кирилл, какой-же должен быть у него обалденный парфюм», -нарисовалась в ту же минуту очередная нелепая мысль, естественно вызывая желание подойти вплотную к этому человеку и получить подтверждение своей догадки.

– Вы сами разрабатывали бизнес-план? -вдруг обратился Кирилл к Ирине, прямо и довольно жестко глядя в ее глаза, на мгновение ей показалось, что он рассматривает ее, даже в чем-то оценивает, совсем на мгновение в его строгих глазах промелькнул интерес, какое-то живое участие, но тут же это ощущение ушло, настолько холодными стали опять глаза этого Кирилла с рекламного проспекта.

– Конечно, -Ирина лишь пожала плечами.

– Объемный труд, -несколько недоверчиво бросил Кирилл, так и не притронувшись к папке.

– Ренат, -обратился он уже к шефу, тут же забывая о присутствии в кабинете Ирины, -мы подумаем, посоветуемся, в общем, обязательно примем решение и сообщим. Борь, ты попроси секретаря пусть папку мне в кабинет принесет. Ну что ж, рад был встретиться, -Кирилл энергично пожал руку Ренату и, проходя мимо Ирины, словно мимо пустого места, молча вышел за дверь.

– Чего-то смурной он какой-то, -озадаченно протянул Борис, – я вам даже гарантировать ничего не могу, теперь только ждать его решения. –

– Да странноватый, -в унисон с ним протянул пухлый Вадим, – но бывает, наверное во Флоренции не догулял. –

Предположение Вадима не обнадежило. У Ирины упало сердце. Уж если этот, совсем родной давний партнер-банк откажет, мало надежды на какой-то другой, ну не любят банкиры вкладываться в такие долгосрочные и непонятные проекты как производство. Продажа, услуга – пожалуйста, а производство... что-то неопределенно далекое...

Ирина молча вышла вслед за Ренатом из, тут же бесшумно захлопнувшихся за ними, тяжелых дверей банка.

– Я ж говорил, -раздраженный Ренат ударил со злостью по рулю, -этот Кирилл, блин, вылизанный хлыщ. Представляешь, он ведь одноклассник моей Элочки-людоедки, такой же москвич с выкрученными мозгами. И ведь не объяснит, гад, почему откажет, свалит опять куда-нибудь на Сейшелы, а Борька отнекается. –

Ирина молча смотрела на дорогу.

«Нудный день, нудный дождь, нудное серое небо, -лениво ворочались в голове мысли, -но какой-же эффектный этот Кирилл». Она покосилась на пытящего в немой злобе Рената и опять равнодушие. Слава богу, она избавилась от этой мутной страсти. Нет, подальше от всех, особенно эффектных... Лето пролетит быстро. Вернется от родителей с Урала ее дочка и им будет так хорошо вдвоем.

– Накрылась моя трешка, -задумчиво произнесла Ирина.

– Ладно, -буркнул Ренат, выруливая снова в поток тянущихся в пробке машин, -время покажет.

ГЛАВА 2

– Ирина Евгеньевна, ну я побежала? Я точно вас не напрягаю? – секретарь Вика, виновато моргая глазами, смотрела на Ирину.

– Так, солнце мое, мы уже все обговорили с утра, – нарочно строго, даже нахмутив брови, произнесла Ирина, а потом, широко улыбнувшись, мягко добавила, – да беги ты уже, пятничный вечер, все уже по дачам давно разъехались, час до конца рабочего дня, не думаю, что я тут в звонках захлебнусь. —

– Спасибо, Ирина Евгеньевна, вы – золото, – и, неожиданно чмокнув, Ирину в щеку, Вика, излучая неприкрытую радость, умчалась из офиса.

Ирина, грустно вздохнув, заняла ее место за стойкой ресепшена. Еще бы не быть такой счастливой, когда ты торопишься на первое свидание с давно волновавшим тебя человеком. Вика уже с месяц назад поделилась с Ириной своим страшным, будоражащим ее молодую душу секретом. Охая на каждом слове, с круглыми от важности открываемого Ирине глазами, она поведала, как давно и страстно терзает ее душу пламень скрытого чувства к серьезному и неприступному холостяку – начальнику отдела продаж. Признание вызвало у Ирины неоднозначную реакцию. Она несколько озадаченно глянула на хрупкую миленькую Дюймовочку – Вику, такую грациозную и нежную, даже в строгом деловом костюме и зализанными, убранными в аккуратный пучок волосами, открывающими высокий умный лоб, выглядевшей совсем девочкой, строгой отличницей в своих больших очках в роговой оправе, но Вика была так искренна в своем смущении и с такой надеждой ожидала ее оценки, конечно положительной оценки, своего неоднозначного для Ирины, исходя, исключительно, из физической оценки начальника отдела продаж, но такого однозначного для Вики выбора.

– Что-ж, вполне хороший выбор, Слава – он очень добродушный бегемот, – серьезно ответила ей тогда Ирина и вдруг испугалась, что назвав этим прозвищем, который мысленно всегда присутствовал в ее мозгу при общении с начальником отдела продаж, она обидит это нежное создание – Вику, но Вика даже не отреагировала, лишь, мечтательно вздохнув, произнесла: – да, да, такой добрый и внимательный бегемот... Хотя, Ирина Евгеньевна, может и построжиться, поорать, когда я трубку забываю, но пусть думает, что пугает, я понимаю – должность обязывает.-

Сегодня с утра Вика сразу на входе остановила пришедшую на работу Ирину и, обведя подозрительно блестящими глазами пустой холл, возбужденно прошептала, – Ирина Евгеньевна, вы не поверите, он мне признался.-

– Кто, – Ирина даже сразу не поняла о чем идет речь.

– Бегемот наш признался, что я ему давно интересна. Он пригласил меня на свидание, – Вика даже чуть взвизгнула на последнем слове и прикрыла рукой рот, выражая так видимо последнюю степень восторга от наконец-то, произошедшего.

– Вика, я так рада за тебя, – искренне ответила Ирина.

– Ирина Евгеньевна. Вы отпустите меня сегодня на часик пораньше. Мне подготовиться надо, переодеться и всё такое, – на лице Вики появилось виноватое выражение, которое моментально исчезло, после спокойно брошенного Ириной: – конечно.-

Ирина привычно проверила электронную почту и, не найдя там ничего нового, встала из-за стойки и поставила одну из белых чашек, стоящих тут же у ресепшена на столике рядом с автоматической кофеваркой, на металл поддончика кофеварки, нажимая кнопку приготовления.

«Все торопятся... Свидания, семьи, дачи, встречи с друзьями.» Ирина тяжело вздохнула, наблюдая, как темный напиток наполняет белую чашку. А ее ждали очередные выходные в одиночестве. После института, ее общаговские подруги разъехались по своим городам, завидуя вроде удачно вышедшей замуж за парня из ближайшего Подмосковья, Ирине. Со школьными друзьями мужа, бурно начавшееся общение семьями, как-то само собой сошло на нет, когда муж ударился в безоглядные запои, да и Ирина беспробудно работающая, мотающаяся каждый день в Москву в выходные мечтала уже не о встречах и душевных разговорах в тесных компаниях, а об элементарном отдыхе. В такие выходные угнетало лишь одно, хотелось разделить их с кем-то в простом семейном быту, привычном общении с близким человеком, но...

– О, Ирин, ты чего это здесь? —

Ирина даже вздрогнула, когда бодрый голос вырвал ее из болота своих не очень радужных мыслей, возвращая в реальность. Неожиданно нарисовавшийся перед стойкой ресепшена, явно удивленный Стас – коммерческий директор, как всегда подтянутый и лощеный, вполне интересный молодой человек из той же когорты современных, абсолютно уверенных в себе успешных самодовольных нарциссов, типа Кирилла, услужливо подсказало сознание, даже остановился у стойки, хотя уже явно двигался к выходу.

– У Вики дела, – коротко ответила Ирина. Стас появился в компании полгода назад. До его прихода такой единицы в штатном расписании не было, но Ренат решил, что его детище доросло до состояния серьезного, весьма твердо стоящего на ногах, предприятия и свои коммерческие обязанности он вполне может делегировать кому-то еще.

– Бегемот Слава, на то он и бегемот, – объяснил он тогда свое решение Ирине, – бухать с крупными корпоративными клиентами он вполне может и дальше, но для тонкой организационной работы торговой деятельности разросшейся компании нужны несколько другие мозги.-

Вот тогда и появился Стас – не скрывающий своих амбиций совсем еще молодой человек. Они как-то быстро нашли общий язык, в процессе решения рабочих моментов обсуждая новинки кино, литературы и просто, болтая за жизнь.

– Ага, – кивнул Стас, – ясно, тогда пока, побежал, мы сегодня с женой на уик-энд в Вену улетаем, опять спешу исполнить ее прихоть – захотелось ей в Венскую оперу.-

– Это же здорово, Стас! Вообще ты такая умница, все для жены. Нет, Стас, правда, ты редкостный муж по нашим временам, – поторопилась уверить Стаса в своем мнении о нем Ирина на его: – да брось, ты, – и равнодушный взмах руки.

– Приедешь, покажешь фотки и Дине привет передавай.-

– Хорошо, – рванувшийся было к дверям Стас вдруг неожиданно замялся, как-будто вспомнив о чем-то и развернулся снова к Ирине.

– Ирин, а что шеф последнее время так рано сматывается, – его вопрос застал Ирину врасплох. Неожиданный интерес коммерческого смутил ее. Она взяла чашку с готовым кофе и, некоторое время молча, рассматривала черную поверхность напитка. Наверняка доброжелательные коллеги просветили его насчет того, что заставляло Рената задерживаться в офисе допоздна, ожидая ухода всех сотрудников. В такие вечера Ирина тоже не торопилась домой, хотя из офиса уходила чуть раньше Рената, ожидая его в снятом ею гостиничном номере.

– Просто теперь он совсем свободный человек, ты полностью рулишь процессом, все в твоих твердых руках, – улыбнулась, поднимая глаза, Ирина и выдохнула, наконец, справляясь

со своим смущением, ставя чашку с кофе на стойку, но продолжая нервно поглаживать край чашки, впрочем, совсем не замечая этого.

– Да, хорошо вспомнил, – Стас щелкнул замочком своего внушительного, очень презентабельного кейса известной марки из натуральной кожи и, достав из него мужской журнал, положил на стойку рядом с белой чашкой.

– Тут статейка интересная про свингеров. Моей Динке очень понравилась, любопытное такое развлечение. Ты у нас дама продвинутая, почитай, может заинтересует... Значит говоришь свободный он теперь, – и Стас вдруг легко, буквально скользнул своей рукой по руке Ирины, останавливая ее нервные движения. Ирина с удивлением подняла на него глаза. Стас был совершенно спокоен, он тем же ровным взглядом, без каких-либо читаемых эмоций на лице, смотрел на нее доли секунды, не убирая руки.

– Хороших тебе выходных, – наконец произнес он и направился к двери.

Ирина уже совсем собралась подумать, что значила вся эта последняя сцена, но резкий телефонный звонок нарушил ее планы.

– Иррин, привет! Хорошо прямо на тебя попал, а то уж думал и в офисе никого нет, Ренату звонить смысла нет. Все равно на тебя стрелки переведет.-

Голос Сашки – старшего кладовщика со склада, где на ответственном хранении лежала немалая часть завозимой компанией продукции – мороженой и охлажденной рыбы, а также замороженные морепродукты, был непривычно взволнован.

– Саш, ты чего такой перевозбужденный, – Ирина даже сама несколько напряглась, что-то екнуло в душе в ожидании неприятных известий.

– Ир, да тут хрень такая... в общем машины с заморозкой только пришли.-

– Как только пришли? Борисыч отчитался – выпуск на таможне еще до обеда оформили и... —

– Ага, – язвительно перебил ее Сашка, – это Борисыч вам по ушам проехал, чтобы срулить пораньше на дачу, что-то не срослось у него там, с таможни они только в пять ушли, сейчас почти шесть, ты представляешь сколько времени нужно на их разгрузку? —

– Ну и разгружайте, в чем дела-то. Саш, быстрее надо, машины у нас до семи вечера проплачены.-

– Знаю я, Ир и грузчики знают. В общем, грузчики у меня бастанули, требуют повышения зарплаты за сверхурочные часы.-

– Не поняла, конечно, мы им заплатим за сверхурочку... —

– Ир, – перебил ее нетерпеливо Сашка, – они плачут им мало, они тройную оплату требуют, иначе сейчас свалят и придут только в понедельник.-

– Они там совсем обалдели что-ли, – Ирина начала заводиться, – чего они вдруг пошли права качать. Опять Васька-бригадир нажрался и пальцы гнет.-

– Да он тут орал, что лично с тобой разберется. Подожди что-то опять орет, зовет что-ли. Ир не убегай только, я сейчас, может улажу все.-

Ирина резко бросила трубку на базу. Внутри все кипело. Борисыч – жучара хитрый, как всегда какая-нибудь заморочка из-за него и ведь знает, что Ренат в понедельник будет орать и даже премии лишит, но как с гуся вода. Да что ему, прекрасно понимает, проорется Ренат, на этом вся воспитательная работа и закончится, поскольку на совместных попойках-корпоративах Борисыч незаменимый тамада и хохмач, а Ренат это гораздо больше в нем ценит, прощая вот такое безалаберное отношение к работе. Да, все-таки самое проблемное место в компании – склад и самый проблемный контингент – грузчики, абсолютно непредсказуемый народ, в большей массе своей любители выпить и не признающие какой-либо дисциплины. На работе этих мужиков держало еще остаточное понимание, что деньги в семью носить, время от времени, нужно, а вернее всего, что большей зарплаты, на всех окрестных складах, они точно не смогут найти. В общем-то, чего она удивляется, пора уже привыкнуть – при рабочих поезд-

ках на склад кто-нибудь с бравадой, до конца не протрезвевшего человека, высказывал Ирине свои всегда имеющиеся претензии.

Резкий звонок нарушил тишину холла. Ирина подняла трубку.

– Ир, поговори с Васькой, он тебя требует, – взвинченный голос Сашки выдавал серьезность прорисовавшейся на складе ситуации.

– Давай, – произнесла Ирина, «прибыю Борисыча, лично, в понедельник» – пронеслось в голове и ровно в этот момент входная дверь рядом с ресепшеном открылась, и к стойке, со сногсшибательной, необыкновенно человеческой, более того абсолютно обаятельной улыбкой, делавшей его холодное выражающее непрошибаемое высокомерие лицо, каковым его запомнила Ирина, неожиданно живым и приятным, шагнул Кирилл. Ирина почувствовала некоторую оторопь от неожиданности его появления здесь, но тут наглое: – але, слышь, ты, – в трубке выдернуло ее, уже готовую погрузиться в совершеннейшую растерянность, в привычное боевое состояние.

– Васька, остынь, – немедленно прервала готового к дерзости бригадира, она вопросительно глянула на Кирилла, не отрывая трубки от уха. Он молча покачал головой и махнул рукой, не отвлекая ее.

– Выгружайте машины и край, слышишь меня, край до семи они должны будут быть отпущены. –

– А то что... – в Васькином голосе послышалось неприкрытое ехидство.

– Дай трубку Саше, я ему скажу что, – вдруг твердо произнесла Ирина. Она даже не замечала, что с интересом наблюдает за, стоящим в спокойном ожидании окончания ее служебного, весьма активного разговора, Кириллом, который в свою очередь, ничуть не смущаясь ее прямого взгляда, в свою очередь, с любопытством смотрел на нее, держа руки в карманах светлых легких брюк, так же как в банке на презентации, чуть наклонив голову.

– Да, – послышался голос Сашки.

– Саш, ты поговори, кто решит остаться, лично выбью доппремию, остальные и Васька в том числе, в понедельник, в офис ко мне с заявлениями на увольнение, я ублажать этих раздолбаев не собираюсь, не хотят работать – пусть валят, никто их не держит, но до семи вечера машины должны быть отпущены. –

Ирина заметила, как Кирилл взял, оставленный на стойке Стасом номер мужского журнала и, теряя к ней интерес, начал изучать его, спокойно переворачивая страницы, что еще больше облегчило принятия ею решений, все-таки пристальный взгляд этого красавца, появившегося так внезапно, вносил некоторый хаос в ее занятую сейчас непростой ситуацией голову. Ирина, впрочем, совсем не контролируя себя, с трубкой у уха, непроизвольно бродила откровенно любопытным взглядом по нему, пользуясь его отвлеченным на журнал вниманием. Увиденное более скрупулезно, лишь еще более подтверждало правоту первого ощущения. Не в плане холодного высокомерия, улыбка смягчила это ощущение, но в плане уж точно неординарной внешности уверенно, ничуть не смущенного ее вниманием, стоящего перед Ириной индивидуума. Крепкие руки, держащие журнал, особенно приковывали внимание, почему-то рождая в голове какие-то смутные ощущения и даже видения. Эти однозначно сильные руки с достаточно накаченными, рельефно выделяющимися мускулами, вызывали уже пугающий Ирину интерес, вдруг захотелось прикоснуться к ним и, наверное, понять, насколько они действительно сильны...

– Ир, короче, – в Сашкином голосе уже не слышалось сомнения, он, как обычно, принял решение, не перекладывая ни на кого ответственность, за что Ирина у безмерно уважала этого простого, на первый взгляд, парня, – я остаюсь сам и оставляю нескольких ребят, мы справимся, а остальным я озвучу твое решение. –

– Саш, а как ты домой, к этому времени у тебя электричек не будет, – с сомнением произнесла Ирина.

– Не переживай. Домой отзвонюсь, переночую здесь в бытовке, а утром рвану с первой электричкой. Тебе вот проблема, опять грузчиков искать, – в свою очередь озабочился Сашка.

– Ладно, будем решать проблемы по мере их поступления. Саш, тебе спасибо огромное.-

– Не за что, – протянул Сашка и отключился.

– Добрый день, – наконец поприветствовала Ирина, продолжающего изучать журнал, Кирилла. Ему очень шла черная рубашка-поло, выгодно подчеркивающая рельефы его спортивной фигуры. Ирине как-то совсем не хотелось отрывать взгляд от его сильных рук, покрытых определенно морским загаром.

– Добрый, добрый, – ответил Кирилл, продолжая изучать журнал.

– Рената, к сожалению, нет на месте, – дежурным голосом секретаря заметила Ирина.

– А почему вы решили, что именно он нужен мне, – поднимая на нее свои огромные серые глаза и, так же открыто и совсем дружелюбно улыбаясь, произнес Кирилл.

– Ну... – начала объяснение Ирина.

– Кирюш, какими судьбами, – громкий возглас, буквально влетевшей в холл Элеоноры, пронесшейся ураганом мимо ресепшена, прервал ее объяснения.

– Я проезжала мимо и глазам не поверила. Нет, я даже тормознула Генку, вышла и самостоятельно проверила. Твоя шикарная «ласточка» около офиса моего раздолбая. Нет, Кирюш, почему ты находишь время посетить его, – она обвела глазами окружающий ее холл, – вертеп, а мой вполне приличный салон красоты игнорируешь. У меня не далее, как на прошлой неделе открылась новая, совершенно изумительная точка. Тебе нужно обязательно глянуть, только ты с твоим идеальным вкусом сможешь оценить весь масштаб моего дизайна. Кстати, точка расположена недалеко от места, где раньше располагался Дом культуры. Ну, мы коренные москвичи и уже точно знаем, где когда-то располагался снесенный дом, в отличие от лимитчиков, наводнивших Москву, – и она выразительно глянула на Ирину, наконец, замечая ее присутствие в офисе.

Ирина, и так чувствующая себя не очень уютно при разговоре двух старых знакомых, оказавшись невольным свидетелем встречи и не имея возможности покинуть помещение, пыталась сосредоточиться на изучении электронных писем, всем видом показывая свою занятость, все-таки поневоле являясь немым участником разговора.

– Дорогая, а твой муж кажется из Бугульмы, – не моргнув глазом, как ни в чем не бывало, поинтересовался Кирилл.

– Ой, Кирюш, – Элеонора выразительно поморщилась, – не будем об этом казусе... Но как насчет дизайна, – воодушевилась снова она.

– Элеонора, родная, – протянул Кирилл, – я ничуть не сомневаюсь в твоих масштабах, но... —

– О, Кирилл, – Элеонора даже не дала ему сказать, выхватив из его рук номер мужского журнала, моментально отключаясь от, так интересовавшей ее до этого, темы, – я как раз собиралась звонить тебе по этому поводу, – она лихорадочно перелистала страницы. Найдя нужную, она буквально сунула журнал под нос Кириллу.

– Вот, Кирюш, это правда, что она рассказывает о вас с ней. Как ты мог очаровать эту конфетку, эту красавицу, признанную лучшей певицей года.-

– Элеонора, – протянул, улыбаясь, Кирилл.

– Нет, ну, в самом деле, она совершенно откровенно говорит в своем интервью, что признает тебя самым изысканным и элегантным из деловых мужчин бизнес-сообщества Москвы. Ты хоть где с ней успел сойтись. Давай честно и поподробней, я наслышана – она очень капризная барышня.-

Кирилл с подчеркнутой иронией смотрел на возбужденную Элеонору, которая уже требовательно тыкала в журнал пальчиком, отсвечивая прозрачными стразами на ярко окра-

шенном ногте, ожидая пикантных признаний Кирилла, уверенная в наличии подоплеки таких.

– Элеонора, перестань, меня представили ей на презентации ее нового клипа, ничего сверхъестественного, выпили пару бокалов шампанского, пару танцев и пару любезных фраз, все. Она так решила. Это ее право упоминать меня в своем интервью. Поверь, хлопот мне это только прибавило. Вчера звонили уже из женского журнала, просили об интервью, – Кирилл даже хмыкнул, подчеркивая свое ироничное отношение к такому пристальному вниманию к его персоне, – они уже придумали внести меня в десятку самых сексуальных мужчин года.-

– Кирилл, – Элеонора даже задохнулась от переизбытка нахлынувшего на нее восторга, прижимая к груди растопыренные пальцы и округляя глаза, – ты же становишься звездой, это круто... это восхитительно и это... так возбуждает! —

– Кого, – прервал ее излияния Кирилл, – меня – ничуть. Мне эти телодвижения вокруг меня совсем не интересны. Я поэтому позвонил ей и попросил более осторожно высказывать свое мнение, как публичного человека.-

– Кирюш, неужели ты, так вот просто, откажешься от шанса стать официально ее другом и попользоваться вниманием прессы, – в голосе Элеоноры прозвучало искреннее непонимание.

Кирилл, вдруг с усмешкой, поджал губы и иронично оглядел Элеонору с ног до головы.

– Элочка, ты сама сказала – капризная барышня, а у меня нет особого умения ублажать капризных мадмуазелей, да и желания учиться вряд ли появится, поздно несколько уже, не мальчик глупенький, жаждущий сомнительной популярности.-

– Да, Кирюш, подожди, а здесь ты чего делаешь, – наконец спросила Элеонора с явным удивлением от, только что дошедший до нее мысли – а почему ей пришлось столкнуться с Кириллом именно в офисе мужа, – Ренат, вообще-то, давно на даче, и по пятницам он всегда рано срывается. Ты не созвонился с ним что-ли, – совсем в растерянности расспрашивала Кирилла Элеонора.

– Ну нет, так нет, неудачно заехал, – развел руками Кирилл, – пойдем тогда, провожу тебя до машины, – и он, приобняв Элеонору, уверенно потащил ее к выходу.

– Ирин, не задерживайся, – высокая Элеонора, выглянув из-за плеча возвышающегося почти на голову над ней Кирилла, еще раз снизошла до обращения к Ирине, – там такие тучи собираются, а тебе еще ножками до метро топать, в самую грозу рискуешь попасть.-

Глядя на закрывшуюся за вышедшими дверь, Ирина лишь хмыкнула.

И правда, что ему было нужно здесь, этому холеному хлыщу.

– Самовлюбленный нарцисс, – иронично прошептала она. Мужчина нарасхват, такой же востребованный, как Ренат. Трахаю все, что движется. Ну да, этот только до кладовицы вряд ли со своим гонором опустится, если уж элементарно с Ириной попрощаться даже влом.

Неожиданно ветер рванул занавеску открытого окна. Ирина не любила кондиционер. Усаживаясь за ресепшн, она выключила его и открыла окно, впуская свежий воздух московского двора, наполненного запахом прожаренной солнышком тополиной листвы конца июля. Совсем недалеко гремевший Кутузовский проспект, станция метро серьезным потоком поглощающая людей, а тут, в глубине улочки, внутри небольшого пятачка окруженного старыми домами, благословенный оазис зелени тополиных деревьев и кленов, благоухающих сиреневых кустов и клумб с цветущими кустиками всевозможных, меняемых в зависимости от сезона, цветов. Ирина подошла к окну.

Элеонора была права, уже начавшаяся с раннего утра, измучившая Ирину еще в электричке духота нагнала к вечеру черные тучи, грозившие вот-вот обрушиться на город проливной дождь. Приближающиеся раскаты грома извещали о нешуточно разыгравшейся грозе, бушующей пока где-то на другом конце мегаполиса.

Ирина бросила взгляд на висящие в холле настенные часы.

Ничего себе, уже половина седьмого, нужно было торопиться, через полчаса минут электричка, добежать до метро, купить билет, а если опоздает – следующая только через полчаса.

– Жень, крикнула она охраннику, сидящему в вестибюле перед входом в офис, распахивая дверь, – я только зонт схвачу и бежим. Можешь все проверить.-

Она заскочила в свой кабинет, быстро проверила содержимое сумочки. Зонт, мобильный ключи – все на месте и, закрыв дверь кабинета, промчалась по коридору через холл и вестибюль, выходя на улицу к ожидающему ее охраннику.

– Счастливо, – кивнул ей на прощание охранник, ставя дверь на сигнализацию.

Ирина прошла по дорожке от офиса и повернула за угол дома, выходя на заполненную машинами улицу. Она подняла голову, тучи совсем закрыли небо, Ирина даже поежилась под порывами усиливающегося прохладного ветра, под утреннюю жару одетая в легкую белую блузку с короткими рукавами и узкую черную юбку – «карандаш». Первые крупные капли ударили о сероватый асфальт, оставляя черные мокрые пятна, и Ирина, с удовольствием, глубоко вдохнула этот посвежевший воздух, наполненный запахом прибитой пыли. Она достала из черной элегантной сумочки, висящей на узком ремне через плечо, зонтик и нажала кнопку. Купол зонта раскрылся с характерным хлопком, а Ирина решительно шагнула дальше, направляясь к метро, прислушиваясь к учащающимся ударам дождевых капель о купол.

– Ирина, – громкий оклик прозвучал настолько неожиданно, что Ирина даже не остановилась, не обращая внимание, уверенная, что обращаются не к ней, машинально продолжая движение.

– Ирина, подождите, – кто-то схватил ее за руку, заставив выглянуть из-под зонта.

– Кирилл, – не скрывая удивления, протянула Ирина.

– Простите, я решил подождать вас. Элеонора не лучший собеседник в данном случае, – Кирилл, съёжавшись, стоял под все усиливающимся дождем.

– Пойдемте в машину, я вам все объясню, – торопливо, не давая Ирине времени на раздумье проговорил Кирилл, ожидая, когда она уберет зонтик и быстро пошел к своему черному «Мерседесу».

– Простите, Кирилл, я на электричку опаздываю, можно вкратце, – произнесла Ирина, устранившись на переднем сиденье «Мерседеса», глядя на Кирилла настороженным взглядом. Ее очень беспокоил этот усиливающийся шум дождя и потоки воды, заливающее лобовое стекло.

– Вам далеко ехать, – спросил Кирилл спокойно, не реагируя на ее слова, разглядывая стекающие по стеклу широкие струи, – люблю вот такой летний дождь, – неожиданно произнес он, не дожидаясь ответа Ирины, – потом всё такое свежее и запахи очищенного воздуха, особенно в лесу... —

– Мне в Подольск, – прервала его сентенции Ирина, напоминая о своем присутствии.

– Вот и отлично, – произнес Кирилл и, включив зажигание, вырулил в поток движущегося транспорта.

– Нам по пути, – спокойно ответил на немой вопрос Ирины, который проявился в ее взгляде, брошенном на Кирилла.

– У меня дом в Чеховском районе, а вы где обитаете в Подольске? —

– На Южном, – немного удивляясь такому совпадению, ответила Ирина. Не очень популярно южное направление для устройства загородных вилл у новых русских, предпочитающих прямо противоположную направленность.

– Ну вот, совсем удобно, через город ехать не нужно, сейчас по Симферопольскому рванем, заведу вас и к себе.-

Они в полном молчании проехали забитый машинами, стремящийся на выходные, на природу дач, мегаполис и, только выехав на Симферопольское шоссе, заодно и выскочив из зоны грозового ливня и даже прибавляя скорость, Кирилл, наконец, первый прервал молчание.

– Я, Ирин, к вам в офис приезжал, – внимательно смотря перед собой, спокойно произнес он.

– Ко мне, именно ко мне, – продолжала удивлять Ирину круговерть сегодняшних событий, – позвольте поинтересоваться – зачем, – иронично протянула она.

– Все дело в вашем бизнес-плане, – не замечая ее иронии, спокойно ответил Кирилл.

– А что не так в моем бизнес-плане, – напряглась Ирина, ожидая чего-то не очень приятного для себя.

– Да как раз все так, – успокоил ее Кирилл. Он быстро глянул на Ирину и даже улыбнулся ей, – все очень даже так. Я внимательно ознакомился с ним. Поверьте, я серьезно подумал, прежде чем приехать к вам. Вами совершена довольно глубокая и объемная работа. Ирина, а если смысл в этой прослойке... – Кирилл многозначительно замолчал.

– Какой? – не поняла Ирина.

– Компания Рената, зачем вам это. Я готов выделить кредит лично вам, насколько я понял, проект весьма самостоятелен и вполне может быть выполнен на любой базе, не в привязке к основным средствам «Пасифик Оушен», – и Кирилл внимательно посмотрел на нее.

– Вы ошибаетесь, – холодно произнесла Ирина, – вы серьезно ошибаетесь, – подчеркнула она, – этот проект не только привязан именно к основным фондам «Пасифик Оушен», что автоматически устраняет статью арендная плата, но он всецело основан на сбытовой базе компании. Данный рынок практически сформирован и на нем тяжело найти новых клиентов... —

– Причина в этом, – нетерпеливо перебил ее аргументацию Кирилл, и Ирине показалось, что это его особо и не волновало.

– Нет, не только, – все так же холодно ответила Ирина, – я не умею кидать тех, кто предложил мне когда-то руку помощи, а Ренату я многим обязана, и у меня нет желания становиться его конкурентом.-

– Даже теряя в материальном плане, ведь я предлагаю полноценное участие, а не долю в прибыли, – Кирилл, вдруг сузившимися глазами, с отчетливо читающимся недоверием, посмотрел на Ирину, – это только глупец откажется от такого предложения.-

– Я, наверное, таковой и являюсь, Кирилл. Спасибо вам за предложение, но для меня оно неприемлемо.-

Кирилл хмыкнул, все еще недоверчиво косясь на нее.

– Я все-таки позволил себе кое-что подробнее узнать. Ваша безоглядная благодарность своему начальнику. Он просто отдал за вас часть невыплаченного кредита, и вы платили уже ему, а не другому человеку. Довольно наивный взгляд. Вы не получили от него ни копейки, честно отработав свой долг, вы вернули все, подарком ничего не было... —

– И тем не менее, – резко прервала его Ирина, – я получила неплохую работу и устраиваемую меня зарплату... —

– Не очень высокую для вашей должности, Ренат скуповат, об этом я наслышан, – в свою очередь прервал Кирилл ее дифирамбы в отношении своего шефа.

– Слушайте, Кирилл, – не выдержала и даже повысила тон Ирина, – да хватит оценивать, в конце концов, мой труд и мои доходы. Я сама решаю, что меня устраивает в этой жизни или вы считаете, что элементарная благодарность и искренняя отдача уже не имеют место быть в наше непростое время.-

– Отнюдь, – вполне дружелюбно улыбнулся на ее горячность Кирилл, – я даже совсем не посягаю, Ирина, на ваше право иметь собственное мнение, и более того вынужден извиниться за эту роль аспида-соблазнителя. Поверьте, на вашем месте я уже выкинул бы меня из машины, – и он, не обращая внимание на удивленный и даже растерянный взгляд Ирины в упор направленный на него, чуть ухмыльнувшись спокойно рванул машину вперед.

– Тогда я ничего не понимаю, – искренне смешалась Ирина, – вы шутите с лицом совсем не похожим на лицо шутника, с довольно иезуитской маской. Выкинуть не знаю, но стукнуть вас мне очень хотелось.-

– Считайте это окончательными смотринами перед подписанием вашего плана, знаете, это больше проверка... так для себя.-

– Вы всегда так загадочны, Кирилл, – язвительно произнесла Ирина.

– Не обращайтесь внимания, – Кирилл совершенно не отреагировал на ее тон, – но я очень рад, что не ошибся в моем первичном мнении о вас.-

Они некоторое время ехали молча, каждый видимо переваривая произошедшее столкновение.

– А если совсем честно, я наслышан о некоторых похождениях Рената... – осторожно выдал Кирилл, и у Ирины почему-то возникло четкое ощущение, что он подбирался именно к этой теме.

– И вы, конечно, связали одно из некоторых пождений... назовем вещи своими именами, решение облагодетельствовать свою любовницу таким вот образом, ставя ее руководить разработанным кем-то интересным проектом.-

– Не совсем так... Я знаю мнение моих коллег о вас... вы вызываете у них только положительные эмоции... —

– И все-таки решили убедиться лично.-

– Извините, серьезные вложения требуют серьезных проверок... а потом, – он даже несколько замялся, похоже в смущении подбирая нужные слова, удивляя Ирину все больше и больше, – сразу честно признаюсь, это странно для меня и совершенно непонятно... необъяснимо, но вы вызвали во мне любопытство... В вас определенно чувствуется... как бы точнее выразиться... некая основательность, твердая убежденность без всякого такого знаете лицемерия, вот выбью денежки и хапну часть кредита под свои нужды, а там пусть «Пасифик Оушен» расхлебывает. Я уверен, вы знаете, чего хотите и знаете, как этого добиться, не вымаливая помощи с протянутой рукой, не выкручиваясь и не делая ставку на свои, несомненно присутствующие, женские прелести. Вы не бросите начатое дело и, главное, в вас легко читается понимание ответственности за возложенное на ваши плечи. В общем, вы, по-моему, предельно честны, а это в наше время редкое качество. —

Ирина даже сразу и не нашлась, что ответить на его откровение, это произнесенное между прочим – «женские прелести», повергли ее в легкое смущение, но, а все остальное просто лишало душевного равновесия.

– Но... но по-моему это так и должно быть! – она даже развела руки в стороны и открытыми ладонками взывала в своем возмущении к Кириллу. Ирина была просто вне себя от мысли, что он мог допустить нечто иное по отношению к ней, – иначе просто не имеет место быть! —

– Да, – протянул Кирилл, бросая на нее короткий ироничный взгляд, – Ирина, до чего вы наивный человек. Теперь я очень понимаю вашего шефа в его отношении к вам, он просто в шоколаде, простите, скажу грубость, имея вас во всех отношениях и в рабочих тоже.-

Ирина не обиделась на грубость, а разве Кирилл был в чем-то не прав, она лишь тяжело вздохнула и несколько задумалась перед ответом: – Кирилл, я могла бы и не говорить вам этого, но в ответ на вашу правду, моя правда – я всего лишь живой человек, порой совершающий серьезные ошибки, и вы меня сейчас ткнули лицом в мое очередное заблуждение, которое уже в прошлом и очень надеюсь, не совершить подобной глупости в дальнейшем.-

– Вы так решительно настроены применительно к любой ситуации личного характера, – между прочим спросил Кирилл.

– Не знаю, сейчас мне что-то трудно сказать, я так далека от подобных мыслей и я... -, но ее прервал звонок мобильного из сумочки, – простите, – бросила Ирина, роясь в сумочке и извлекая из нее маленький серебристый аппарат.

– О привет, Наташ. Как вы там? – радостно улыбаясь, Ирина, слушала голос в мобильнике, – как мама с папой. Ну я рада. Погода... в Москве дождь, а здесь красота, солнышко и на небе ни тучки, завтра пойду на речку загорать.-

Ирины говорила банальные фразы и совсем не замечала, как Кирилл исподволь наблюдает за ней, бросая короткие изучающие взгляды.

– А как моя солнышка, дай ей трубочку. Доченька, родная, привет, я так соскучилась, ты соскучилась... подожди.. как некогда, – ее голос дрогнул, – родная поговори со мной.-

Совершенно огорченная Ирина убрала мобильник в сумку и со вздохом отвернулась. Ей еще не хватало разрыдаться в присутствии и так уже много высказавшего в ее адрес Кирилла. Она старательно глядела в окно на пролетающие за машиной пейзажи.

– Что-то случилось, – в голосе Кирилла неожиданно прозвучала забота.

Ирина с робкой улыбкой, быстро смахнув все-таки проявившиеся на кончиках ресниц слезы, прошептала.

– Простите, Кирилл, так... личное, – скривив губы в тщетной попытке удержать слезы, улыбнулась ему Ирина.

– Может я все-таки смогу помочь, – голос Кирилла был настойчив, но мягок. Он вдруг резко вывернул руль и остановил машину на обочине.

– Рассказывайте, – его глаза не просили, они требовали. Красивое лицо застыло в нетерпеливом ожидании, а рука мягко коснулась ее руки, словно подбадривая. Это прикосновение было неожиданно таким приятным, что-то дрогнуло в душе Ирины, и она вдруг захотела все рассказать Кириллу, именно ему, совершенно незнакомому, чужому человеку. В принципе, что она теряет, пронеслось в голове, ровным счетом ничего, так близко она его вряд ли уже увидит, а выговориться совсем откровенно, полностью раскрыв душу, почему бы и нет...

– Звонила сестра, она живет с родителями на Урале. На лето я отправляю к ним дочку. Она единственная внучка и племянница. Сестра одинокая. Дочка там в заботе и крутит ими как хочет. Она вот сейчас даже со мной разговаривать не захотела, некогда ей, она мультик не досмотрела, – и Ирина тяжело вздохнула.

– Ну, так что в этом плохого, – не понял Кирилл.

– Ничего, – закусив подрагивающую губу, произнесла Ирина, – всё только хорошо, мне все так и говорят, отдыхай и радуйся.-

– Правильно говорят, – улыбнулся ей Кирилл, – у родных, лучше даже представить невозможно.-

– Но я так скучаю, я совсем не могу без нее, – и Ирина все-таки смахнула рукой слезинку, а потом ее окончательно прорвало. Она вывалила на Кирилла всю свою боль, она словно, закусив удила, неслась в своих откровениях, не переставая удивляться своей открытости, ведь даже своей лучшей подруге – сестре Наташе она не открывала таких своих сокровенных тайн. Она рассказывала, уже не сдерживая льющие слезы, постоянно смахивая их с щек дрожащей рукой. Она рассказывала все о своем, не таком уж большом отрезке жизни, начиная с момента ее приезда в Москву и поступления в институт. О провале своей первой любви, как было страшно в безумные девяностые, как тяжело было найти не просто подходящую – любую работу. Она объясняла, как боялась жить с мужем-алкоголиком, как боялась оставлять свою дочку у заботливой, но чужой бабушке и скучала по ней на работе, переживая как у ней там – в садике, а потом в школе, а вдруг кто обидит, а мамы нет рядом. Она даже вспомнила, как безумно боялась выходить на новую работу, как мучительно было для нее привыкание к новым людям и новой обстановке, как она, в принципе, и теперь боится начала каждого рабочего дня, ожидая какого-нибудь форс-мажора, а особенно если это требует от нее совершенно миролю-

бивой и спокойной проявить решимость и поругаться с кем-то. Кирилл совершенно спокойно слушал, не перебивая, не меняя выражения лица, его внимательные глаза только заставляли Ирину еще больше открываться, забывая про осторожность и привычный страх в общении с чужим, едва знакомым человеком. Наконец Ирина высказалась, и с окончанием бурной исповеди пришло отрезвляющее понимание – а на кой этому, вполне успешному, уверенному в себе человеку нужны ее совершенно идиотские проблемы.

– Простите, Кирилл, вам это абсолютно не к чему. Всё – поехали, всё хорошо.-

– Точно, – Кирилл внимательно вглядывался в ее лицо какими-то совсем другими глазами, – я в принципе не против выступить в роли жилетки, в которую вы можете поплакаться, – совершенно серьезно произнес он.

– Правда, всё хорошо, – улыбнулась несколько смущенно Ирина.

«Что за идиотка, подумает», – опять пронеслось в голове.

А он вдруг порывисто обнял ее, прижимая к сильной груди. Его объятия длились мгновения, и она совсем не понимала, чье сердце так бешено бьется, вызывая легкое головокружение, но потом он разжал руки и спокойно повернул ключ.

– Да определенно загадочность в вас присутствует, Ирина, – вдруг произнес он через некоторое время молчания словно, как и она, приходя в себя от такого неожиданного проявления заботы.

Ирина упорно молчала и внимательно смотрела в окно еще несколько смущенная своим бурным и не очень ожидаемым для себя выплеском откровения. Да и говорить уже, в общем-то, было не о чем, не обсуждать же после всего спокойно погоду или виды проносящиеся за окном.

– Хорошо, вы красивы, умны и принципиальны, еще вы – трепетная мама, что еще в вас интересного, – Кирилл был настойчив, пытаясь хоть как-то растормошить Ирину, вызвать ее на продолжение состоявшегося откровения.

– Поверьте, больше ничего, – выдохнула устало и равнодушно выговорившаяся Ирина, уже всю мысленно бичующая себя за этот непривычный поток откровений с малознакомым человеком, – в общем, все как у всех обыденно и не очень интересно... Кирилл ваш загар, явно получен не в средней полосе России, – отвлекла его Ирина от этого, так до сих пор и непонятного ей, проявления интереса к ее персоне.

– А, это поездка в Таиланд, даже лупится вон кое-где, – улыбнулся он, показывая облизанные места на локтях.

– Кирилл, поворот, – выкрикнула Ирина, указывая рукой на оставшийся уже позади поворот.

– Видите, как с вами интересно, чуть не проскочили, – ухмыльнулся Кирилл, тормозя машину и сдавая задним ходом к нужному месту.

– Вот здесь, – наконец произнесла Ирина, когда машина после петляний по узким улочкам объясненного Ириной маршрута остановилась у стандартной пятиэтажной кирпичной «хрущевки».

– Здесь на третьем этаже моя однушка. Спасибо огромное, Кирилл, – произнесла она, как можно более нейтрально, открывая дверцу машины.

– Не за что, я прекрасно провел время, – совершенно серьезно произнес Кирилл.

– И вы удовлетворили свое любопытство, – все-таки не сдержалась, поддела его Ирина, выйдя из машины и нагибаясь, заглядывая в открытую дверь.

– Не совсем, – уверенно ответил Кирилл, спокойно глядя на нее, – но я позвоню Ренату лично и сообщу о своем решении. Хороших выходных, Ирина.-

Ирина прикрыла дверь «Мерседеса» и, со вздохом, глянула вслед теряющейся за поворотом машины. Она медленно поднималась по лестнице на третий этаж, доставая на ходу ключ от квартиры. Ощущения неожиданных объятий Кирилла совершенно не хотело покидать ее,

наоборот, на нее просто накатывало биение одного сердца на двоих, она даже вспомнила запах его объятий, запах парфюма смешанного с запахом его тела.

– Странно, а ведь мы смогли бы... – вдруг возникло в голове, но Ирина не дала даже развиться этой мысли, моментально гася ее в зародыше.

– Нет, нет, нет, – просто кричала она себе, – обычное внимание увидевшего нечаянные слезы человека, а потом ведь он проверял ее.

«Как будто все банкиры, таким образом, проверяют своих клиентов», – шептал ей внутренний голос.

А с ней именно так. Всё, о чем тут думать, с ее-то везением на мужиков... Наверное, нужно легче относиться ко всему, проще. Но она не может иначе, она не может не быть серьезной в чувствах. Если роман – так с головой, до полной потери себя в другом человеке, совсем безрассудно, за это и платит. Раз не судьба быть счастливой, значит, так тому и быть. А Кирилл этот... да что о нем, пусть развлекается с певицами.

ГЛАВА 3

Как обычно, быстро пронеслись выходные, которые на радость Ирины отличились солнечной погодой. Она провела их на пляже в томной дреме, вызываемой вполне тропической жарой, иногда лениво поливаясь нагретой под яркими солнечными лучами чистой водой из-под крана, из принесенной с собой пластиковой бутылки. Что-то сильное сомнение вызывала в ней зеленая вода пруда с массой барахтающихся в ней людей и собак.

– Ты такая аппетитная, – не преминул заметить в понедельник Ренат, когда Ирина появилась с документами в его кабинете, – прямо шоколадная конфетка с ровным загаром.

– Да, брось, – равнодушно ответила Ирина, – просто была чудная погода, и я хорошо отдохнула.

Ирина до среды не интересовалась движением по своему бизнес-плану, занимаясь рутинной работой, решая текущие вопросы, которые, как обычно, нарисовывались один за другим в рабочем режиме.

Только в среду она решила напомнить о волнующем ее вопросе Ренату.

– Да, да, дорогая моя, совсем вылетело из головы. Мне этот хлыщ еще в понедельник позвонил. Он согласен, – проговорил Ренат, как всегда оглядывая ее своим гангстерским взглядом, – Ир, с бизнес-планом покончено, мы уже два месяца не встречались, я уже не понимаю, есть у меня любовница или нет. Закажи гостиницу, мне эта сперма в башке не дает работать, я только о тебе и думаю... —

– Ну и что, позвонил и что, – Ирина даже не отреагировала на его слова, возвращая Рената к интересующей ее теме.

– Да ничего, во вторник должны были быть готовы бумаги на подпись, а он в понедельник вечером улетел в Австралию, понырять ему приспичило, на Барьерном рифе.

– И когда вернется, – уже не скрывая разочарования, произнесла Ирина.

– А кто ж его знает, он никому не отчитывается. Да не переживай, – заметил Ренат, – раз он уже дал добро, можно даже не сомневаться... Ну, как насчет гостиницы, – глаза Рената, опять сузились, с вождением оглядывая Ирину. Она, ухмыльнувшись, глянула на него, не скрывая иронии, и вдруг, сложив губы трубочкой, громко чмокнула, одаривая Рената виртуальным поцелуем.

– Ты прав, мне очень идет загар и такую погоду обещают до конца недели, пляж меня ждет.

– Ирина! —

Она вышла из кабинета, спокойно прикрыв дверь, не обращая внимания на его властный окрик.

«Да пошел ты, – лишь подумала она про себя, – прочищай свои мозги с кем-нибудь другим.»

Неделя в обычной рабочей суете пронеслась привычно быстро. Все сотрудники, в каком-то само собой сложившемся порядке, в летнюю жару сматывались домой пораньше, оставаясь в офисе до конца рабочего дня лишь при производственной необходимости. Ирине даже удалось пару раз поваляться вечером на пляже, с блаженством и полным удовлетворением души и тела, пребывающих в полной неге, ловя последние жаркие лучи солнца, скатывающегося в своем вечном движении за горизонт уходящего дня.

В пятницу с утра Ренат решительно распахнул дверь ее кабинета.

– Так, сегодня корпоратив, – тоном, не терпящим возражений, заявил он.

«Попала», – подумала Ирина. Шеф не терпел отсутствия кого-либо на подобных мероприятиях, а тем более Ирины. Она все-таки попыталась сопротивляться.

– Ренат, но я хотела пораньше сегодня... —

– Послушай, дорогая, – резко прервал ее Ренат, – я не понимаю тебя последнее время, меня начинают посещать не очень приятные мысли, но... лучше не принимай неправильных решений, у нас прекрасный тандем с дальнейшей перспективой в работе, не лишай себя блестящего будущего.-

Он вышел, как всегда в раздражении, громко хлопнув дверью. Ирина со вздохом откинулась на спинку кресла и, уставившись, совершенно отсутствующим, взглядом на дверь, сидела так некоторое время, покусывая ноготь большого пальца.

«Неужели угроза, – крутилось в голове, – нет, Ренат... нет, он не способен... хотя откуда знать, как поступит мужчина, ослепленный отказом женщины, которую он привык считать своей собственностью... Своей собственностью... Доигралась. Вот уж фиг. Нет, пора решительно прекращать этот затянувшийся бред,» – и приняв для себя это решение, Ирина уже спокойно занималась делами оставшееся время...

– Девчонки, девчонки, короткие юбочки.-

Ирина зашла в менеджерскую, уже к пяти вечера превращенную в банкетный зал, ровно в тот момент, когда Борисыч, напевая себе под нос незатейливую песенку, расставлял в аккуратном порядке бутылки со всевозможными горячительными напитками.

– Ты-то чего такой возбужденный, – иронично поддела его Ирина.

– Распрекрасная вы наша Ирина Евгеньевна, – промурлыкал, потирая руки, довольный Борисыч и впрямь напоминая сейчас Ирине закорюченного толстого кота, – у нас пара новеньких работницы, на улице отличная погода и не это ли чудный повод познакомиться поближе.-

– Наверное, – лишь пожала плечами Ирина, – тебе точно видней.-

К семи вечера подтянулись последние складские работники, встреченные выкриками:

– наливай штрафную! – вполне разогретыми офисными служащими. Ирине было скучно. Она, забившись в дальний угол стола и потягивая апельсиновый сок из большого бокала, наблюдала, как более активная часть коллег усиленно извивается в центре менеджерской под громкие звуки известных композиций, а вторая бурно обсуждает рабочие моменты, взрываясь грохочущим смехом над шутками Борисыча.

Как же раньше, совсем в недавние времена, это заводило ее, вызывая какой-то щенячий восторг, вводя в состоянии крайнего экстаза, заставляя с головой тонуть в этом празднике жизни, становиться его центром и растворяться, теряя голову в бешеном ритме орущей музыки.

– Принципиально отбиваешься от коллектива, – пьяно усмехнулся Ренат, нарисовавшийся, так предсказуемо, перед Ириной. Она ожидала этого, под шофе он был откровенней и смелей. Он тяжело плюхнулся рядом на стул и положил руку на ее бедро обтянутое тонкой тканью легких брючек.

– Ты даже не спросила, как я слетал в Китай, – вызывающе заявил он, наполняя пустой стакан соком.

– Как ты слетал в Китай, – равнодушно спросила Ирина, отмечая, что в менеджерской появилось новое лицо – Дина, жена коммерческого директора Стаса. Вот тоже еще один феномен, милая обеспеченная мужем женщина, такая спокойно-остроумная, как принято говорить – интеллигентка, с Ириной привычкой к ассоциациям, однозначно похожая на учительницу иностранного языка, даже не озадачивающая себя необходимостью работать, Дина последние месяца три не пропускала ни одного корпоратива, являясь наряду с Борисычем активнейшим аниматором коллективных попок. Ох, как не нравились тогда ее появления, заставляя Ирину несколько напрягаться, привычно ревновать, когда она ловила на себе короткие взгляды Дины, если Ренат находился рядом с ней в менеджерской. А сейчас Ирина даже обрадовалась ее появлению.

– Ирин, съездил на редкость удачно, до чего доброжелательный народ – китайцы, особенно если видят в тебе выгодного партнера, да и сами как партнеры – супер. А современный Китай – это сказка, там дикой азиатчиной и не пахнет, в каком-то провинциальном городе небоскребов больше, чем в Москве, а аэропорты... Но Ирин, это не самое интересное, – Ренат перешел на шепот и наклонился к ней, заставив Ирину с легкой гримасой брезгливости отвернуть лицо, ей тяжело было сдерживать эмоции, но к ее счастью Ренат в своем состоянии уже не обращал внимание на такие мелочи, – Элеонорке я точно не могу рассказать, а меня ж распирает, мне такую телочку китайскую на ночь подкатили партнеры! Она совсем, чуть ли не подросток, но такое вытворяла... – Ренат в накатывающемся на него восторге уже начал переходить на подробности, а Ирина пыталась подавить раздражение от накатывающего отвращения вызванного все более яркими откровениями заводящегося мужика.

– Ренат, там Дина пришла, – наконец прервала его излишняя Ирина, направляя его пьяное внимание на, бросающую в их сторону любопытные взгляды, жену коммерческого.

– О, нужно поздороваться с девушкой, прости, Ир, – он, наконец, снял свою горячую ладонь с ее бедра, – супруга коммерческого все-таки, не удобно, – и, вылезая из-за стола, довольно твердо направился в сторону Дины, сидящей на огромном офисном, кожаном диване перед столом заставленном бутылками и полными тарелками.

– Красавец наш опять надрался, – присела рядом с Ириной уборщица Надюшка, молодая симпатичная женщина, беря с тарелки банан.

– Какие же они все пьяные тошнотные, – она как всегда была самым трезвым человеком в этом пьющем и гомонящем сборище офисного планктона, к каковому принципиально себя не причисляла, работая по полдня уборщицей, а в другую половину занимаясь маленьким сыном и обучаясь на курсах модельеров, мечтая о создании собственного ателье. Ей еще вечером убирать за всеми.

– Что эти богатые небожители, что простые смертные-работяги, все одно – уроды полные. Сейчас еще звезда – Элеонора появится и будет зажигать с кем-нибудь из складских. Странная семейка, но, Ирин, ведь семейка и чего им по-доброму не живется.-

Ирина с пониманием глянула на Надюшку, как ласково она ее называла, безмерно уважая эту хрупкую совсем молоденькую женщину, зная ее не простую историю. Встречалась с богатым хозяином фирмы, в которой работала, забеременела, он женился на дочке богатых родителей, ни копейкой не помогая сыну, хотя записав его на свою фамилию.

– Сам ведь, козел, настоял, а я и повелась, думала, хоть помогать будет, а он так, на всякий случай, может сын в дальнейшем наоборот ему поможет, такое тоже бывает, – объясняла Надюшка, – ничего, вот выучусь, сыну все сама дам, он у меня обделенным не будет, – твердо, с абсолютной уверенностью в своей правоте, говорила она Ирине.

– Ирин, а ты чего в уголочке, тоже надоел этот бедлам, – спросила Надюшка.

Ирина лишь согласно покивала головой.

– Надюш, пока вспомнила, тебе костюм брючный можно заказать, а то с моей талией беда, задница 44, а талия 40, я брюки устала перешивать.-

– Да, задница у тебя шикарная, не зря Ренат слюни пускает, – на полном серьезе произнесла Надюшка, – хочешь, вместе на недельке за материалом стоняем, я тебе новый магазин тканей покажу.-

– Отлично, Надюшка, я тебе очень признательна буду, – улыбнулась ей Ирина.

– Ирину, да за что признательна. Ты меня так выручаешь своими заказами.-

– Да позвони ты, в конце концов, папашке этому, пусть хоть про сына вспомнит.-

– Ой, Ирину, – Надюшка лишь горестно выдохнула, – позвонила я на днях, набралась решимости, когда сын приболел. Он мне в трубку целый спектакль сыграл, поплакался, какая жизнь у него тяжелая, я уж подумала – впору мне ему помогать. Купили собаку за 2 штуки баксов, она съела туфли жены за 500 баксов, в общем, материальная катастрофа, в следующий раз как-нибудь, ну обязательно поможет.-

– Гад он у тебя, – только и ответила на это Ирина.

– Слава богу, не у меня, у своей жены, гад. Да плевать, я уже и сама справилась, больше звонком не нарушу его душевный покой. Ладно, – выдохнула Надюшка, поднимаясь и выходя из-за стола, – Ирину, я пойду, надо чуть-чуть заранее с посудой разобраться, а то хоть Серега – охранник в офисе все равно останется ночевать, но торчать здесь тоже не прикалывает, уж лучше домой пораньше попасть.-

Надюшка была далеко не против общественных мероприятий, Ренат неплохо доплачивал ей за такие вот сверхурочные часы. Разговор с Надюшкой отвлек Ирину от событий в менеджской. Она, наконец, окинула взглядом окружающий бедлам и чуть не зашлась в нервном смехе. Ренат, вполне вальяжно расположился на спинке кожаного дивана, приобнимая за плечи Дину, которая, прильнув к нему всеми возможными не закрытыми диваном частями тела, скармливала ему из своей руки мандарин, который тут же разламывала на дольки, направляя их с готовностью в открытый рот Рената. Тонкая полоска черных усов, надо полагать, сексуально изгибалась над ожидающим ртом, и такой знакомый Ирине гангстерский взгляд пожирал Дину, которая не менее откровенно и так чувственно заглядывала в его глаза.

Ирина, все-таки не выдержав, улыбнулась, убирая стакан с соком в сторону.

– Что тебя так развеселило, – неожиданно нарисовавшийся Стас уверенно расположился рядом на стуле. Да, отметила Ирина, еще один вполне трезвый коллега. Он направил свой взгляд туда, куда только, что смотрела Ирина. Ни один мускул не дрогнул на его холеном лице.

– Прочитала статью, – между прочим, полюбопытствовал он.

– Какую, – удивилась сначала Ирина, – ах да, – правда, тут же вспомнила она про оставленный Стасом журнал на ресепшене.

– Нет, статью не читала, но наслышана вполне, очередная блажь скупающих от безделья пресыщенных индивидуумов.-

Она исподволь бросила взгляд на Стаса. Тот уже явно заинтересованно наблюдал за сценой на диване, машинально откусывая кусочки банана.

Ирина не выдержала.

– Стас, ты так спокойно наблюдаешь.-

– Она хочет его, почему-бы не сделать ей подарок, он, я уверен, не откажется, с его принципом трахай все, что движется. Даже можно совершить равноценный обмен.-

– Ты говоришь об Элеоноре, кстати, она скоро появится и Ренату придется умерить свой пыл.-

– Ты с ума сошла, – Стас посмотрел на нее, и Ирина увидела, как на его лице проявилась гримаса брезгливости, – мне с этой сукой здороваться противно.-

– Тогда я тебя не понимаю.-

– Я говорю о равноценном, – четко произнес он, откровенно разглядывая Ирину.

Ирина молча, не отвечая на его откровение, поднялась со стула.

– Отдыхай, Стас, – лишь бросила она, не удосужившись даже глянуть на его реакцию.

«Блин, – лишь пронеслось в голове, – как мне все это достало. Да перетрахайтесь вы хоть всем офисом, только меня не трогайте.»

Ирина решительно направилась на небольшую кухоньку в конце коридора за большой комнатой отдыха. Горы грязной посуды, незаметно унесенные Надюшкой, заполнили весь маленький столик около крана, где она усердно перерабатывала издержки корпоративных загубов.

– Надюшка, – громко воскликнула решительно настроенная Ирина в спину напевающей что-то себе под нос уборщице. Звонко звякнула тарелка, выроненная вздрогнувшей, застигнутой врасплох, явно не ожидающей чьего-либо появления, Надюшкой.

– Ой, Ирин, напугала до смерти, – произнесла она, выключая воду.

– Надюшка, – уверенно повторила Ирина, – бросай к черту все и едем в ночной клуб.-

– Ирин, да ты с ума сошла, – лишь махнула рукой Надюшка, – у меня вон посуды гора, да и одета я по-простому – джинсовый комбез и футболка, – кивнула она в сторону лежащей на стуле ее чистой одежды.

– Надюш, ну пожалуйста, – уже просительно тянула Ирина, – ты же знаешь, мы там зимой половиной офиса зажигали, «Колесо», там вполне демократично, без всякого дресс-кода, джинсы и майка само то. Пожалуйста, я в понедельник подскачу сюда пораньше и помогу тебе, пусть оно тут стоит. Все пьяные, Ренат и не заметит, его все равно Элеонорка домой утащит, а я Сашку со склада попрошу, он с охранником Женькой здесь до утра первую электричку ждать будут. Вот они со столов все стаскают и потом их расставят. Надюш, я тебя в понедельник не кину, ты же знаешь, не первый раз, я обязательно помогу. Ренат как всегда дома банкет доиграет и в понедельник намного позже заявится, к его приходу здесь все уже образцово-показательно будет, – и Ирина возбужденная своим решением уже пританцовывала, умоляя Надюшку.

– Ну ладно, – Надюшка решительно сорвала с себя фартук, – сын сегодня все равно у мамы на даче, давай дернем туда, я правда, так давно не танцевала. Беги, собирайся, я переоденусь и за тобой в кабинет заскочу. Выйдем через заднюю дверь, чтобы в холле ни на кого не нарваться. Я сейчас Сереге-охраннику шепну, пусть выпустит.-

Ирина лихорадочно в кабинете покидала в сумку все необходимое, быстро поправила прическу и освежила губную помаду.

– Ты готова, – Надюшка просунула голову в дверь, – Серега ждет.-

– Уберем, уберем, не впервой, – успокоил охранник Ирину на выходе в ответ на ее горячие просьбы о помощи, – проспимся чуток и с утра все растащим, идите уж.-

Высочив в прохладу стгушающихся сумерек позднего летнего вечера, с удовольствием вдыхая свежий воздух после застоявшегося амбре менеджерской, наполненной алкогольными парами и дрожащим дымом сигарет, выдыхаемым сонмом уже и не стремящихся на воздух разгулявшихся курильщиков. Пробежав до метро, они нырнули в грохочущую подземку, благо клуб располагался не так далеко от офиса и уже через сорок минут вошли в темный наполненный грохочущей музыкой зал, пронизанный лучами бегающих лазеров и играющими пятнами света от зеркальных вращающихся шаров. В сумочке требовательно завибрировал телефон. Ирина достала миниатюрный аппарат – «Ренат», высветился зеленым светом экран.

– Пошел ты, – буркнула Ирина в экран и уверенно нажала кнопку, отключая мобильный.

– Вот здесь мы и выпьем, – прокричала Ирина Надюшке в ухо.

– Зажигаем, – прокричала та в ответ и громко выкрикнула что-то нечленораздельное в толпу, визжащую в диком восторге,двигающуюся, заведенную ритмичной какофонией звуков. Они по боковой лестнице поднялись на второй этаж, пробились через танцующий народ к бару и, заказав коктейли покрепче, уселись на высоких стульях у стойки, потягивая коктейли

и разглядывая происходящее на первом этаже, на подиуме и вокруг него. Внизу в такт ритмичной кричащей музыке двигалась масса тел. Лазер выхватывал из синеватого мрака зала отдельные островки, четко проявляя изломанные движением фигуры, поднятые руки, иногда открытые, в крике танцующего экстаза, рты. Яркими пятнами выделялись подсвеченные белые одежды, кажущиеся уж совсем неоновыми в мельтешении света.

На подиуме извивались две симпатичные девчонки, и подогревал толпу ди-джей за аппаратурой в огромных черных наушниках.

– Ну что, – прокричала Ирина, наклонившись к уху Надюшки, когда опустевшие бокалы были отставлены в сторону, – пойдем вниз или здесь останемся.-

– Не, вниз, там интересней. Народа больше. Давай прямо к подиуму, там светлей – прокричала Надюшка в ответ.

Ирине не зря нравился этот клуб. Здесь не было строгого дресс-кода, но был возрастной отбор. Охрана на входе отсекала несовершеннолетних тусовщиков, и зал был наполнен не юными бессмысленными лицами, а, наряду с молодыми, зажигающими, постоянными любителями туснуться, вполне даже солидными отдыхающими дядями и тетями ее возраста и даже старше, чувствующих себя вполне комфортно в грохочущем, всегда полном зале этого весьма популярного ночного клуба.

Они поднялись с высоких барных стульев и пошли уже к центральной лестнице, опускающейся вниз, прямо в центр зала к подиуму. Навстречу поднимались люди, кто-то опускался, обгоняя их. В клубном пространстве царил музыка и ее ритм, заполняя все собой, увлекал в этот мир общего сумасшествия, отменяя все привнесенное сюда из внешнего мира, заполняя голову только ритмом и заставляя двигаться в этом ритме. Ирина, следуя за пританцовывающей уже на лестнице Надюшкой, бросив случайный взгляд в зал в выхваченный лазером пятно с танцующими, внутренне напряглась и даже приостановилась. Луч ушел в сторону.

– Да нет, бред. Показалось, – уверенно пробормотала она и спустилась следом за Надюшкой к подиуму. Композиции взрывали неугомонный зал бешеным ритмом, не давая расслабиться ни на секунду. Словно общий музыкальный экстаз захватывал окружающих людей.

– Класс, моя любимая, – провизжала Надюшка, услышав новую композицию. Композиция начиналась медленным растягивающим звучанием, чтобы уже через минуту взорваться валом ритмичных звуков, Ирина знала это и спокойно покачивалась, расслабившись, чтобы со всей энергией войти в неминуемый взрыв. Неожиданно, осторожное касание руки, легким, невероятно возбуждающим в этом окружающем пространстве раскованных взглядов и лишенных условностей,двигающихся в одном ритме тел, скользящим движением пройдясь вдоль спины, завершилось, также осторожно, на талии. Ирина почувствовала, как полуобняв ее, таким образом кто-то тактично, но вполне уверенно движется вместе с ней, улавливая малейшие изменения в композиции.

Ненавязчивое вторжение в ее пространство не возмутило Ирину, движения человека были чувственны, но так корректны, что хотелось продолжать двигаться вот так и дальше. Ирина лишь усмехнулась краешком губ, взглянув на Надюшку. Та огромными округлившимися глазами смотрела на незнакомца, и в ее глазах явно читалось не просто удивление, а... да, пожалуй, восхищение.

– Надь, он – красавчик? —

Надюшка лишь покачала головой и закатила глаза, что выражала ее высшую степень восхищения.

– Мечта, – прокричала она через, наконец, обрушившуюся валом, грохочущую музыку.

– Тогда я поворачиваюсь. —

– Кирилл, – Ирина мгновенно протрезвела, – извините... – пролепетала она.

Это действительно был Кирилл. Во всей своей броской красе рекламного супермэна. В светлой рубашке и светлых брюках он возвышался над ней, такой блестящий и яркий, такой

совершенно органичный и уместный в декорации ночного клуба. Значит она была права, именно его она разглядела в толпе, во время блуждания лазерного луча.

– Почему «извините», – прокричал он сквозь музыку, с явной усмешкой смотря на нее, – мы же не на презентации.-

– Но вы... —

– А что я, – перебил ее Кирилл, – я отдыхаю, получаю удовольствие, по-моему также как и вы... И здесь... – он кивнул на подиум, – давай на ты.-

– Как скажешь, – прокричала в ответ Ирина.

– Ого, девчонки, давайте знакомиться, – рядом с Кириллом, выныривая из толпы, обозначился худой невысокий парень. Кудрявые волосы шапкой торчали над, впрочем, довольно приятным, располагающим лицом с белозубой широкой улыбкой. Белая рубашка, расстегнутая до половины груди, джинсы, небольшая тряпочка в виде шейного платка придавали ему вполне богемный вид.

– Я Макс, – прокричал парень. Жеманничать, глядя на его открытую улыбку совсем не хотелось.

– Ирина, – охотно прокричала в ответ Ирина, – а это Надюшка, – вытолкала она поближе к Максуслегка смущенную происходящим Надюшку.

– Пойдем к столику, – прокричал Кирилл, – там потише, познакомимся получше.-

Наконец, продравшись через плотную толпу танцующих, они прошли к барной зоне первого уровня зала. Музыка здесь хоть и громкая, но уже не оглушала и вполне позволяла спокойно общаться.

– Девчонки, я за коктейлями, вам покрепче или... —

– Покрепче, – в голос прервали его Ирина с Надюшкой.

Ирина оглянулась. Барная зона не вполне доступное место для обычных обывателей, таких, как она. Стоит довольно прилично за ночь, да и места здесь бронируются заранее. Большие столы, окруженные прямоугольником объемных диванов, четко выделяющих пространство вокруг стола и рассчитанных на размещение, как минимум десятка членов веселой компании. Соседние столы были, как и положено, забиты такими отрывающимися членами, но здесь... до ее с Надюшкой вторжения только двое. Ирина не утерпела.

– Кирилл, вы часто тут бываете, целый столик... – Ирина даже замялась, не зная как поточнее выразиться.

– А что столик, – без эмоций ответил Кирилл, – разве это проблема? —

– Мы прошлый раз за неделю заказывали. Как в лучший ресторан, – помогла Ирине явно возбужденная всем происходящем Надюшка, она даже попрыгала на диване, а потом, раскинув руки, облокотилась на широкие кожаные спинки, – шикарно, – наконец, сформулировала она свои ощущения, – как в лимузине, правда я в нем не была.-

– Я рад, что угодил. Отдыхайте, – ушел Кирилл от ответа.

Вернулся Макс.

– Сейчас Витек-бармен доставит, – белозубо улыбаясь, подмигнул Макс Надюшке и плюхнулся рядом с ней на широкий диван.

Буквально следом появился, надо полагать Витек-бармен, с подносом заставленным бокалами с коктейлями всевозможного цвета.

– Гулять, так гулять, – обвел рукой жестом гостеприимного хозяина заставленный коктейлями стол Макс после того, как Витек-бармен, довольно заискивающе, поинтересовался у Кирилла,

– Кирилл Геннадьевич, может еще, что пожелаете? —

И тихонько ретировался после вполне доброжелательного: – нет, Витек. Этого вполне достаточно.-

– Ого, – глубокомысленно произнесла Надюшка, – Кирилл Геннадьевич, а вы здесь популярная фигура. Как все загадочно.-

– Да он... – начал Макс.

– Всего лишь постоянный посетитель, – перебил его Кирилл.

Коктейли были необыкновенно вкусными, градус настроения неуклонно повышался вместе с обилием сыпавшихся из уст Макса острот и соответственно принимаемому градусу коктейлей.

– А, – вдруг вспомнила Ирина, делая очередной глоток из бокала, – Кирилл, как твоя поездка на Барьерный риф.-

– Великолепно конечно и хорошо, что напомнила. Вынужден принести свои извинения. Я, наверное, несколько нарушил твои планы, не сдержав обещания... – с искренним сожалением произнес Кирилл.

– Ты же сдержал обещание, ты позвонил в понедельник. – Ирина улыбнулась ему, наверное, в другое время, когда мозги ее были свободны от дозы алкоголя, какая-нибудь умная мысль непременно бы посетила ее, и она непременно высказала какие-нибудь соответствующие слова поддержки, потому что Кирилл выглядел неожиданно растерянным и даже жутко виноватым. Ирине даже стало жаль его. Да разве может такой, уверенный в себе, красавец с рекламного постера чувствовать такую искреннюю неловкость.

– А, Ирин, подожди, я понимаю в чем дело, – неожиданно горячо вмешался Макс, – это я —подлец, смешавший все планы Кирилла. Он, правда, невинен как младенец, это я подвиг его на эту незабываемую поездку, оторвав его от своих дел по нарисовавшейся горячей путевке. Ирин, поверь, этот всегда железный холодный башка обнылся, что ему во вторник нужно быть в Москве и подписать какие-то важные бумаги, иначе он подведет замечательного человека. Падаю в ноги и умоляю простить меня за эту роль злодея, поскольку вижу, что пострадал действительно замечательный человек, – и Макс на полном серьезе бухнулся на колени перед Ириной.

– Макс, нет, немедленно встаньте, мне на самом деле не так важна эта отсрочка, – бурно запротестовала Ирина.

– Ну, раз не важна, – Макс легко поднялся с колен, – там более он подпишет эти бумаги, правда Кирилл, – обратился он к наблюдающему за происходящим с легкой усмешкой другу.

– Несомненно, – Кирилл развел руками, – сразу в понедельник.-

– Ну, вот как чудненько все и решилось, – резюмировал Макс, – а теперь танцевать. Надюшка, – он протянул руку Надюшке и, выдернув ее из объятий мягкого кожаного дивана за, с готовностью, протянутую руку, потащил к подиуму.

– Идешь, – спросил Кирилл не торопясь подняться, внимательно вглядываясь в ее лицо.

– Конечно, – Ирина ответила бодро, хотя в голове нарисовался некоторый шум.

«Пора завязывать с коктейлями», – пронеслось в голове. С усиливающимся шумом придет сонливость. А затем головокружение, что в конечном итоге грозит обернуться ночным бдением над тазиком, но пока было только весело и необыкновенно легко в окружении этих открытых, искренне веселящихся людей и даже волнующе, наверное все-таки от присутствия рядом, несколько будоражащего душу и затуманенную алкоголем голову, этого мужчины с рекламного постера —Кирилла. А он придерживал ее сильной рукой совсем свободно. По-хозяйски. И это не раздражало Ирину, наоборот, хотелось прижаться к нему крепче, чтобы снова почувствовать биение сердца, как там, в машине, в его спонтанных объятиях. Назойливой мухой билась в голове мысль, ну почему она не одела ту эффектную кофточку с глубоким вырезом...

Наконец они добрались до подиума, где всю уже зажигали Макс с Надюшкой.

Грохнула под выкрики взбудораженной разогретой толпы музыка новой композиции.

– Ну, кто смелые в зале, давай на подиум, кто лучший! – выкрик ди-джея всколыхнул толпу. Толпа взревела, и на подиум вскарабкались несколько смельчаков.

Неожиданно Надюшка развернулась и выкрикнула: – Макс, помоги! —

Макс подсадил ее, и она хрупкая, в своем джинсовом комбинезоне и белой футболке, оказалась среди выделяющихся отчаянные па нескольких парней и девушек. Она начала двигаться и следящие за происходящем на подиуме, окружившие его любопытные зашлись криками восторга, настолько яркими и четкими были ее совсем профессиональные движения. Ее худенькое, оказавшееся невероятно гибким тело, выделявало невообразимые кульбиты, длинные русые волосы волной метались вокруг лица и поневоле вытеснялись с подиума, сдавшиеся перед непрошибаемым профессионализмом ее исполнения, менее опытные претенденты на внимание публики. И когда, оставшаяся на подиуме в полном одиночестве Надюшка, на последнем аккорде, грохнулась на колени и проехала на них к краю подиума, подняв, в захватившем ее азарте танца, руки над головой, победно сжимая их в кулаки, уже весь зал, с интересом наблюдающий за индивидуальными выступлениями, взревел от восторга.

– Вот она, наша королева подиума, – выкрикнул ди-джей.

– Да, да, – орал прыгающий вокруг восторженно хлопающей Ирины, Макс.

– Она кто, эта Надюшка, – проорал он, наклоняясь к Ирине, через рев зала.

– Уборщица, – проорала в ответ, не переставая хлопать Ирина, наблюдая, как Надюшку, буквально принимают десятки рук с подиума, расступаются зрители, поворачивая следом лица, уступая ей дорогу.

– Ни фига себе, и где ж вы таких уборщиц дыбаете.-

– Места знать надо, – Ирина лишь рассмеялась, видя его совершенно озадаченное лицо.

Явно довольная неожиданным эффектом, чуть запыхавшаяся Надюшка появилась перед компанией.

– Надюш, ты же классно танцуешь, я и не знала, – Ирина даже обняла в порыве восторга покрасневшую от такого обилия внимания Надюшку.

– Я же с шести лет хореографией занимаюсь, только вот за ненужностью пока, уж думала и забыла все. Видимо коктейли, – прокричала смеющаяся, возбужденная произошедшим Надюшка.

– Классно, – лишь многозначительно выдал Кирилл.

– Какой классно, – прервал его решительно Макс, – какой классно. Это шедевр, Надюш, я подписываю с тобой контракт, едем в офис ко мне, – Макс с серьезным лицом рванул Надюшку за руку.

– Подожди, – Надюшка лишь смеялась, вырывая руку из намертво вцепившейся в нее лапы Макса.

– Верь мне, самый настоящий контракт, – упрямо тянул ее Макс.

Ирина в полном недоумении наблюдала за происходящим, она молча глянула на ничего не предпринимającego Кирилла. Тот словно в ответ на ее немой вопрос обратился к Надюшке.

– Надюш, верь, самый что ни на есть серьезный контракт, не бойся, езжай. Моему другу, хоть и явному шалопаю, вполне можно довериться.-

– Ладно, – решительно махнула рукой Надюшка, – я уже стораю от любопытства, тем более у меня есть свидетели похищения, – и она грозно покачала пальчиком перед носом Макса.

– Ну всё, хорошо вам отдохнуть, – прокричал вполне удовлетворенный Макс и потащил за собой Надюшку через толпу.

– Пока, пока, – Кирилл махнул рукой в последний момент обернувшейся Надюшке и, улыбаясь, наконец, обратил свой взор на Ирину.

– Кирилл, ты уверен, – все еще настороженно поинтересовалась Ирина.

Кирилл ухмыльнулся.

– Макс – владелец весьма известного и солидного модельного агентства. Он сотрудничает со множеством глянцевого журналов как в России, так и далее.-

– Ты шутишь, – не сдержавшись, воскликнула Ирина.

– Нисколько, хотя выглядит он полнейшим раздолбаем. Он очень серьезный парень и твоей Надюшке реально угрожает только подписание контракта, уж если Макс что-то решил, то вцепится – не оторвать... Ирин, пойдём, посидим, ты совсем бледная, – Кирилл с тревогой заглянул ей в глаза.

– Да, пожалуй, пойдём, – немедленно согласилась Ирина, в голове уже звенело, и к горлу подкатывала противная тошнота.

– Тебе может чего-нибудь принести, – Кирилл даже не присел рядом, усаживая Ирину на широкий кожаный диван, продолжая встревоженно вглядываться в ее лицо.

– Да, если тебе не сложно, минеральной воды, – Кирилл немедленно развернулся и двинулся к барной стойке.

Ирина тяжело выдохнула. Она, опершись рукой о стол, поддерживала тяжелеющую голову пальцами, пытаясь отвлечься от грохочущей музыки и мерцающих лучей лазера, сосредоточась на определенной точке поверхности стола.

«Идиотка, – ругнулась она про себя, – это нужно было так нализаться обычных коктейлей. Обрадовалась, вырвалась в клуб. Только удержать этот вертолет», – мысленно начала себя уговаривать Ирина. Это бешеное головокружение, когда все вокруг тебя неслось словно ты летишь в кресле цепной карусели, а вокруг, всё ускоряясь, проносятся картинки окружающего тебя мира. Заканчивалось это всегда однообразно и не очень красиво.

– Привет, подруга, скучаешь одна? —

Рядом кто-то тяжело плюхнулся на диван. Ирина подняла глаза. Здоровый парень в белой майке-алкоголичке и джинсах, с небольшой полоской коротко стриженных волос на бритой башке смотрел на нее, ухмыляясь, глазами с характерным блеском втянувшего солидную полосочку кокса и находящегося сейчас на самой вершине блаженной дури в эйфории безмерного своего всемогущества.

Ирина просто не выносила вот таких – молодцеватых, в подпитии или обкурении, неважно, бравых недалеких братанов, для которых любая девушка была телкой и, быкуя, в своем тупом безмерном тщеславии, обделенного минимальными зачатками интеллекта, они действительно, как разъяренные быки, готовы были кинуться на кого угодно, кто хоть краешком, малейшим словом посягнет на их необсуждаемое превосходство над, по их мнению, быдлом, являясь по сути самыми ярчайшими представителями таковой части человеческого сообщества.

– Я, подруга, за тобой давно наблюдаю. Красава, – и он провел пальцами своей огромной руки с накаченными, рвущими сплошь татуированную кожу бицепсами, по обнаженной руке Ирины. Она резко рванулась от его прикосновения, мгновенно приходя в себя и сузившимися, не скрывающими свою неприязнь глазами, пристально, ледяным взглядом прошлась по парню.

– И чего тебе надобно, друг, – после красноречивой паузы иронично протянула она.

– Старичок твой тебя оставил, зачем скучать подружка, пойдём туснем, – и он наклонился прямо к ее лицу, разглядывая ее своими не вполне адекватными глазами, в которых зато вполне отчетливо читались его намерения по отношению к Ирине.

Ирина секунду разглядывала эти на глазах мутнеющие, теряющие остатки вменяемости глаза.

– Меня никогда не прикалывали татуированные мужики, с неуспевшим раствориться в носу порошком, – спокойно произнесла Ирина, не отводя взгляд. Глаза парня мгновенно округлились.

«Наверное это называется – налились кровью, как у быка», – тут же пронеслось в голове.

– Ну ладно, – выдохнул парень, вставая, – твое мнение, сука, меня не интересует. Я хочу танцевать, и ты пойдешь со мной.-

Он своей огромной ладонью накрыл запястье Ирины, с четко проявленным намерением выдернуть ее из угла дивана, но в этот момент на стол был аккуратно поставлен стакан с минералкой.

– Ирин, что хочет этот крутой мачо, – голос Кирилла был совершенно спокоен, словно он интересовался, ну погодой за окном, и перед ним не стоял сейчас этот громила, хоть и ниже ростом на голову, но опасно гориллообразный и с совсем улетевшим в нирвану взглядом, готовый месить всех кругом без разбора и с особым энтузиазмом.

– Тебе чё надо, – развернулся он грозно к Кириллу, – старичок, поди, отдохни, не трать бесполезно последние силенки, не мешай мне с телкой развлекаться.

– Я тут только быка вижу и не более, – спокойно парировал Кирилл, и Ирина отметила, как вдруг резко сузились его глаза, превращаясь в излучающие холодный оценивающий ситуацию взгляд щелки. Кирилл словно внутри собрался, сжался, превращаясь в упругий механизм. Парень, несмотря на кажущуюся грузность тела, вдруг резко развернулся и выкинул в ударе руку. Его громадный кулак полетел, прямо нацеленный в лицо Кирилла, и Ирина, замеревшая в ужасе, словно в замедленном режиме кинофильма, наблюдала за происходящим, ожидая неминуемого попадания кулака в цель. Она увидела, как Кирилл, не проявляя особенного усилия, мгновенно среагировал на движение руки парня. Ирина особенно и не поняла, что сейчас произошло, она лишь заметила какое-то молниеносное ответное движение Кирилла, и парень, с завернутой назад рукой, уже стоял, полусогнувшись с прижатым другой рукой Кирилла лицом к столу с коктейлями. Ирина не видела расступившейся вокруг толпы, с любопытством рассматривающей происходящий на их глазах конфликт, не видела удивленные лица за соседними столиками. Она четко видела отделившуюся от толпы фигуру такого же амбалистого вида, как парень, с прижатым к столу лицом, с криком: – Ваську бьют, – кинувшегося к Кириллу. Она в ту же секунду, отключаясь от происходящего, уходя из реальности окружающей ее, рванулась с дивана и прыгнула разъяренной кошкой на спину амбала в майке, спешащего на выручку Ваське, и который, уже на ходу, поднял руку для удара, целясь в голову Кирилла.

Она, ввиду отсутствия волос на голове амбала, вцепилась ему в уши и тот от полнейшей неожиданности ее действий, взревев от боли, закрутился на месте, пытаясь скинуть Ирину со спины.

– У сука, убью, – орал крутящийся амбал. Он резко двинул локтем, и острая боль в скуле, ослепляя Ирину, заставляя ее разжать руки, бросила ее на пол. Она машинально прижала к ушибленному месту руку, еще до конца не осознавая происходящего, увидела, как подбежала, разорвав толпу, охрана клуба, буквально скручивала двух дружков. Как явно старший охраны заботливо и несколько перепугано обратился к Кириллу.

– Кирилл Геннадьевич, помощь нужна? Может врача? —

– Нет, Андрей, уводи этих деятелей, – быстро проговорил Кирилл, бросаясь к Ирине.

– Ты как, идти можешь? – он присел перед ней, с тревогой заглядывая в ее глаза, и не дожидаясь ответа, аккуратно помог подняться с пола.

– Пойдем, – лишь тихо бросил он и, обняв ее за плечи, провел через толпу, оберегая, закрывая своим телом от случайных прикосновений. Ирину трясло, бешено бухало сердце от такого неожиданного выброса адреналина.

– Я на секунду, – Кирилл рванулся к барной стойке, что-то требуя у Витька-бармена.

– Приложи к скуле, а то завтра глаз заплывет, – протянул он ей стакан с кусочками льда. Ирина со стаканом у лица, заботливо поддерживаемая Кириллом, спустились вниз, по отблескивающей металлом в синеватом сумраке зала, витой лестнице вниз.

– Давай сюда, – Кирилл уверенно открыл дверь служебного туалета.

– А можно, – неуверенно протянула Ирина, – служебный ведь, нас не погонят.

– Не погонят, не погонят, пусть только попробуют, – уверенно произнес Кирилл и, закрыв крышку, аккуратно усадил Ирину на сверкающий стерильной чистотой унитаз. Затем открыл висящий над раковиной шкафчик с зеркалом и достал пузырек и вату.

– У тебя скула чуть рассечена, давай на всякий перекись, – объяснил он ей, когда она недовольно отвела его руку с намоченной ваткой.

Он осторожно коснулся скулы. Чуть пощипывало.

– Ну ты даешь, – очень серьезно, даже строго произнес Кирилл, касаясь осторожными движениями Ириной скулы, – это же надо было так безрассудно прыгать на спину этому уроду, а если бы он дотянулся до тебя рукой? Господи, говорить о своих страхах, а потом так безрассудно кидаться на этого монстра, нет все-таки ты большой, просто огромный вопрос, прямо-таки неразрешимая загадка, – приговаривал Кирилл, осторожно касаясь ваткой Ириной скулы. А в гудящей голове Ирины вдруг четко обозначилась картина – она на спине кружащегося в слепой ярости амбала, дикой кошкой вцепившейся в него и накручивающей его уши.

И она, твердо отстраняя руку Кирилла, зашлась в неудержимом хохоте.

– Я, – давась от смеха, еле выталкивала слова Ирина, – я на спине... —

Кирилл лишь молчал, смотря на ее приступ нервного смеха.

– Надо же так нажраться, – уже спокойно выдохнула Ирина, и тут не выдержал Кирилл.

– Великолепное зрелище, – уже хохотал, не сдерживая себя он, – разъяренная мегера... за уши.-

Ирина снова приснула, и звенящий несдерживаемый искренний смех наполнил небольшую комнату служебного туалета...

– Подожди меня здесь, я быстро, – бросил Кирилл, когда они поднялись снова в зал, наполненный гремющей музыкой. Ирина наблюдала, как он подошел к старшему охраны Андрею и о чем-то серьезно переговорил с ним. Смутные сомнения закрадывались в ее душу, когда она наблюдала за этими двумя. Уж больно виноватое было выражение на лице Андрея и совсем строгий, хозяйский взгляд Кирилла. Ирина прокрутила все эпизоды, которые зацепили ее внимание до этого, но которым она в бесшабашной суматохе веселья не придавала значению и, кажется, все сложилось.

Наконец Кирилл, улыбаясь, подошел к ней. Ирина долго смотрела на него, словно увидев в первый раз, откровенно изучая с легкой усмешкой, скривив губы.

Кирилл лишь слегка озадаченно приподнял брови.

– Кирилл, и это я загадочна, – наконец произнесла Ирина, – да по сравнению с твоими загадками... Я уже боюсь продолжения.-

– Ты о чем? – осторожно поинтересовался Кирилл.

– Все уладил? – иронично вопросом на вопрос ответила Ирина.

– Да, все хорошо, можно отдыхать дальше, – не обращая внимания на ее иронию, произнес Кирилл.

– Отлично, Кирилл Геннадьевич, в вашем клубе все к вашим ногам. Ведь я права, в вашем клубе, – она требовательно смотрела на Кирилла.

– И это все, что тебя так обеспокоило и ... – начал, в свою очередь усмехнувшийся, Кирилл.

– Как-будто нет повода для беспокойства, – перебила его Ирина.

– А разве есть? Во-первых, не совсем в моем, я лишь совладелец, скажем так наполовину моем, а потом разве имеет это какое-нибудь значение, разве это мешает нам хорошо проводить время.-

Ирина не нашлась, что ответить. В принципе он прав, какая ей разница, кто он ей – этот Кирилл – случайный знакомый, случайный компаньон в этот, получившимся таким сумбурным, вечер, который непременно закончится и о котором Ирина, конечно, будет вспоминать с сожалением. Все-таки надо признать – Кирилл неудержимым магнитом притягивал ее

к своей персоне, рождая в ней слишком волнующий ее интерес. Этот интерес уже несколько пугал ее, твердо решившую завязать с любыми амурными похождениями в ее жизни. А тут такой герой романа, все больше и больше проявляющий столь любопытного, разрушающий уже своим видом все эти призрачные, дрожащие под его спокойным взглядом барьеры, которые нагородила вокруг себя разочаровавшаяся напрочь в возможности своего счастья, по крайней в этой жизни, Ирина. Она совершенно не хотела так легко сдаваться, она не неопытная девочка, готовая пойти без оглядки, как уже было с ней, за сильным уверенным в себе мужчиной, она не верит в эти сказки о принцах на белом коне, поэтому она возьмет сейчас себя в руки и отсечет все блуждания ее дрожащей в благоговейном экстазе от присутствия рядом этого ослепительного героя женской сущности, героя, еще и будоражащего ее бестолковую неуправляемую почти падающую в обморок душу каким-то неприкрытым интересом к персоне Ирины.

– Ладно, – буркнула Ирина, – ты прав, не мешает, но от коктейля бы я не отказалась, – и Ирина решительно направилась к их столику.

– Ирин, может не надо, – спокойно заметил Кирилл, наблюдая, как она лихорадочно изучает содержимое стаканов на столе.

– Надо, – торжествующе воскликнула Ирина, обнаруживая полный бокал с коктейлем на основе текилы, – надо, повторила она, выбрасывая из стакана на стол соломинку и залпом его опустошая. Через секунду орущий фон музыки пропал и насыщенный такими разными событиями вечер для Ирины закончился.

ГЛАВА 4

Тишина оглушала. Тяжелая, тягучая, какая-то до противного ощущения вязкая, она давила на уши. Наконец, эту, уже надоевшую тишину начал прорезать такой-же противный, нудный звон, и Ирина резко открыла глаза. Потолок был белый, но совершенно ровный, он матово отсвечивал глянцевой поверхностью.

– Натяжной, – пронеслось в голове Ирины. И она в ужасе вскочила и села в кровати. Потолок в ее квартире состоял из наборных плит с рельефным рисунком. Она сидела на необъятной двуспальной чужой кровати без каких-либо спинок, но со множеством подушек, стоящей в белом углу рельефно оштукатуренных стен. Ирина, слегка запаниковав, огляделась. Огромная комната в бело-серых тонах, с небольшим наполнением мебели, бесконечные окна до пола закрытые серыми, искрящимися шторами из тафты, через которые пробивалось яркое летнее дневное солнце.

– Сколько же уже времени, – проявилась в голове здравая мысль, тут же пропадая в уголках сознания, загоняемая туда любопытством, заставляющим Ирину без концентрации на чем-либо, продолжить осмотр. Напротив кровати на стене висела внушительная плазма, а дальше за ней, вдоль стены, огромный встроенный шкаф, опять – же, серо-белый с металлическими вставками декора, отсвечивающим холодным серебром металла, углом продолжаясь уже вдоль стены до двери. Легкая, ажурная, витая лестница с металлическими перилами и черными деревянными ступеньками уходила из центра комнаты вверх, в оформленный серой, узорчатой плиткой люк в потолке. Ирина напряженно пыталась вспомнить, чем все-таки закончилось ее бурное веселье в клубе, где она и как, вообще, оказалась в этой совершенно незнакомой квартире, да еще, судя по люку в потолке, двухъярусной.

– Ну, всё, хорош, – пробормотала она и, осторожно помотав головой, наконец, решительно попыталась избавиться хотя бы от этого противного звона в мозгах. Удалось ей это не очень хорошо, но, по крайней мере, он уже не мешал Ирине более отчетливо воспринимать окружающее пространство и его наполнение.

– Нет, – Ирина, окончательно впадая в панику, соскочила с кровати, сдирая с нее огромную белую простынь. До нее, наконец, дошло, что она сидит не просто на чужой кровати

и не просто в чужой квартире, но еще полуголая, в одних узких маленьких трусиках, полупрозрачных, еле скрывающих причинные места. Она моментально завернулась в простынь, стягивая ее посильней под мышками, и шагнула от кровати, тут же попадая в небольшой ярко-желтый пластиковый таз. Рядом с тазом валялся ее фирменный бюстгальтер в синюю полоску с синим бантиком и перламутровой капелькой бусины между чашками.

– Кошмар, – прошептала она, хватая бюстгальтер и пряча его в свою сумку, лежащую на небольшом, обтянутом серой материей пуфике, у изголовья кровати. Как она таз умудрилась притащить, где она его только нарыла.

Ирина тихонько подошла к лестнице и, задрав голову, с любопытством заглянула в люк. Запах кофе и еще чего-то ванильно-сладкого вдруг вызвал подсасывающую тошноту. Все-таки она вчера приличное время путем так ничего и не ела, надираясь исключительно коктейлями. Никого, только где-то отдаленные, еле различимые звуки музыки.

Ирина подошла ближе к зеркальной поверхности шкафа.

– Красавица, – только и протянула она, наблюдая перед собой лохматое существо с помятым лицом, подтекшей, размазанной тушью под глазами. Ирина попыталась пальцами придать волосам хоть приблизительный вид обычной своей, эффектно уложенной, прически, но усилия были явно напрасными. Ее слегка выющиеся волосы никак не хотели складываться в хоть отдаленно приличный вид. И Ирина равнодушно махнула рукой, решив оставить тщетные попытки до посещения ванной комнаты. Теперь ей нужна была ее сумочка с косметичкой. Она беспомощно огляделась, пытаясь понять, где она все-таки находится. По белому, с сероватыми разводами паркетному полу были разбросаны игрушки. Маленькие плюшевые зверушки, паровозики и кучи машинок, наполняли углы большой комнаты. Она еще раз, более внимательно, глянула в зеркало и обернулась. На противоположной стене, прямо за кроватью висела огромная черно-белая фотография в серебристой металлической раме. Кирилл в окружении повисших на нем, смеющихся трех бутузов. Вся компания была застигнута в момент безудержного веселья, захватившего с головой всех участников какой-то общей и явно не спокойной игры.

«Боже, – моментально пронеслось в голове, окончательно возвращая ясность сознания, – ну конечно – Кирилл! Она же вчера провела целый вечер с ним. Но дети...»

Ирина в полнейшем недоумении уставилась на фотографию, внимательно изучая ее.

– Мои племянники-погодки, – раздавшийся за спиной голос Кирилла заставил вздрогнуть и резко обернуться, совершенно не ожидавшую чьего-либо посещения, Ирину.

– О да, – лишь протянул Кирилл, спускаясь с последних ступенек лестницы и подходя ближе к Ирине.

– Ты можешь на меня не смотреть? – со злостью бросила Ирина, не зная, в какой угол ей сейчас бежать и где прятаться от этого смеющегося взгляда Кирилла. Он то, конечно, уже был хорош. С еще мокрыми, аккуратно причесанными волосами, побритый красавец, загорелый торс в кубиках мышц. Загорелые крепкие тренированные ноги. Руки она уже разглядела во всех подробностях при посещении Кириллом офиса. В белых шортах на веревочке с низкой посадкой, которые не скрывали подтянутый загорелый пресс, опущенные предельно низко. Картинка вызвала неконтролируемый интерес Ирины. В другой ситуации она непременно бы разглядела всю анатомию в подробностях из-под полуопущенных век, но сейчас ей хотелось немедленно сбежать.

– Ты по-своему сейчас весьма интересна, тебе даже очень идет эта простынь, – с иронией протянул Кирилл, – красоту ведь ничем не испортишь, но все-таки пойдем, я покажу тебе, где ванна.

Он шагнул в довольно просторный коридор за перегородкой, отделяющей коридор от комнаты, и открыл одну из трех дверей. Ирина даже не удивилась. Ванная комната, а это была именно комната серьезных габаритов, в которые могли бы поместиться и ванная, и туа-

лет, и кухня заодно из Ириной однушки, вполне могла бы стать образцом дизайна в любом глянцево-м журнале.

– Я, там, на полочке оставил тебе свой новый комплект футболки и шорт. Все наверняка будет великовато, но за неимением... Фена у меня нет, а новая зубная щетка в шкафчике на стене, там же расческа. Полотенце вот, – и он из коридора коснулся рукой, висящего прямо у двери, на металлическом крючке, белого мохнатого полотенца.

– Кажется все, в общем, я думаю, освоишься сама, а потом поднимайся по лестнице в столовую. Да, кстати, туалет рядом, соседняя дверь, – на этом Кирилл прикрыл дверь, оставляя Ирину в полнейшей растерянности в этой немыслимо, как он сам, элегантной ванной.

Она быстро нашла все необходимое и, залезая под прохладный душ, мучительно пыталась вспомнить хоть что-то, что пролило бы свет на ее утреннее пробуждение в совершенно непотребном полуголом виде.

– Господи, неужели... Она и Кирилл... Нет, нет, только не это.-

Она с удовольствием подставляла лицо навстречу прохладным струям. Из головы окончательно ушел противный звон, возвращая, наконец, возможность ясно оценивать происходящее. И вытираясь мохнатым полотенцем, Ирина уже совершенно взяла себя в руки. Ладно, она у Кирилла в гостях и, в конечном итоге, сейчас же и прояснит ситуацию. Ирина простирнула прозрачные трусики, привычно отжав их, завернув в полотенце, затем старательно высушила полотенцем волосы, и, разглядывая себя в зеркало, слегка распустила расчесанные влажные волосы. Обновленный вид себя в зеркале окончательно придал уверенности, все-таки после бессонной, бурной ночи она выглядела довольно прилично, почти привычно строго, только без макияжа. Затянув по максимуму на узкой талии шнурок идеально белых шорт, больше походивших на ней на юбку-шорты, натянула балахон футболки, тут же закатав рукава и завязав узлом, оголяя загорелый живот. Она быстро пересекла уже изученную спальню и, с еле сдерживаемым любопытством, все-таки она в первый раз в двухъярусной квартире, поднялась по витой лестнице с черными ступенями на другой ярус. Перед ней за скользящей по потолочной рее стеклянной дверью явно обозначилась кухня, откуда неслись такие аппетитные запахи.

– Ну вот, теперь привет, оживший герой, – насмешливый голос Кирилла, прозвучавший за спиной, заставил Ирину обернуться и тут же застыть, восхищенно открыв рот. Стеклянный куб гостиной и столовой одновременно, казалось, висел прямо над землей, паря на фоне глубокой синевы ясного летнего неба, залитый лучами солнца. Удлиненный овальный стеклянный стол стоял за перегородкой из металлических квадратных прутьев, отгораживающих люк лестницы. Изящные ярко-зеленые стулья с высокими удобными спинками с плавным изгибом опорных ножек окружали стол. А дальше – зимний сад со множеством пальм и вьющихся растений, и даже с цветущим орхидеями, насыщенной темной зеленью выделялся на голубом глубоком небе, закрывая стеклянный потолок и смягчая удар горячих, прямых солнечных лучей. Пара мягких, небольших диванчиков под пальмами и плетеные кресла в арках, обвитых ковром листьев зеленых лиан, но не это заставило Ирину, не скрывая восхищения, броситься в глубину сада. Открытая настежь огромная дверь выводила на приличный участок крыши, огороженный со стороны края, изящно выложенной камнем, ограды почти в Ирин рост. Надутый круглый бассейн искрился чистой водой и, заполняя малейшее пространство между стен у каменного ограждения, и просто, по выложенному разноцветной плиткой полу, раскиданными явно продуманными островками в разнообразных керамических больших и маленьких горшках цвели всевозможные цветы-однолетники. Такие простые и знакомые Ирине, но такие прекрасные в своей собранности на этом куске московской крыши. Ирина с любопытством поднялась на цыпочки и глянула вниз. У нее даже перехватило дыхание. Внизу, где-то неизмеримо далеко двигалась, шумела в своем привычном ритме большая Москва. Кирилл подошел и встал рядом, спокойно облокотившись на рельефную кладку ограждения и рассматривая лежащий внизу город.

– Я вообще-то под себя ограждение заказывал, а тебе неудобно, – ухмыльнувшись, сверху вниз глянул он на Ирину. Она подошла к бассейну.

– И все это великолепие... – она даже замолчала, не зная как закончить фразу, рассматривая прозрачную воду, через которую просматривалось ярко-голубое дно бассейна.

– Это моя квартира. Московская резиденция, – спокойно закончил Кирилл, – моим очумелым племянникам-погодкам здесь очень нравится. Они сейчас с моим братом и его женой у тещи где-то на Волге, а так бы уже барахтались в этом бассейне. Классные ребятишки, – задумчиво закончил он, – ну что, пойдем завтракать. Я не знал, когда ты проснешься и, если есть желание, можешь помочь накрыть стол.-

Ирина не переставала удивляться, перемещаясь с набитой разнообразной электроникой кухни к столу в стеклянном кубе, оценивая глобальность подхода Кирилла к своему явно холостяцкому быту. Ирина почему-то сразу поняла – Кирилл не из тех мужиков, который прячет по различным квартирам сонм любовниц, но присутствие женщины в этой квартире явно не ощущалось. Ирина не лезла с назойливыми расспросами. Праздное любопытство это вообще не ее жизненное кредо, она всегда твердо придерживалась своего убеждения, если человеку нужно, он начнет раскрываться сам, а дальше можно, только аккуратно, очень осторожно помочь ему раскрыться окончательно, и то если в этом возникнет необходимость.

Они пили кофе с молоком с разогретыми в микроволновке ванильными круассанами. Ирина, упершись по давней дурной привычке для удобства локтями о стеклянный стол, рассматривала благородный цвет напитка и мучительно соображала, как выяснить у Кирилла, чем же все-таки закончился вчерашний вояж в клуб.

Кирилл, вполне спокойно поглощающий круассаны и, казалось, совсем находящийся где-то в своих мыслях, неожиданно нарушил молчание.

– Успокойся. Ничего не было. —

Ирина даже облегченно выдохнула, ставя чашку с кофе на стол и, наконец, заглядывая в глаза Кириллу.

– Хотя ты приставала, – все – таки довольно ухмыльнувшись, добавил Кирилл.

– Кирилл, брось, я правда была такой дурой, – Ирина, чувствуя, как противная краснота, выдающая все ее сейчас, находящиеся в неуправляемом хаосе, чувства, заливают щеки. Кирилл явно забавлялся, не переставая жевать очередной круассан.

– Почему дурой, мне очень понравилось, как ты целуешься, – пожал плечами он.

– Ужас... – Ирина ощущала уже пламень на своих щеках, – а одежда, – жалобно проблемала она, замирая в предчувствии ответа.

– Нет, – Кирилл покачал головой, – нет, это ты сама. Ты потребовала тазик, пока я ходил... В общем застал я уже почти холодный труп, уткнувшийся в подушку. Ты только попросила растегнуть тебе бюстгальтер, который ты, тут же, не переворачиваясь, стянула и бросила на пол.-

Он вдруг замолчал, секунду раздумывая, и окончательно поверг Ирину в бездны сжигающего стыда, – но у тебя такая аппетитная попка просвечивала через мини-трусики, а кожа спины такая... пусть будет звучать пошло, но зато правда, такая бархатистая... – протянул он. Ирина не поднимала взгляд от стола.

– Я честное слово пожалел, что я не некрофил и полутрупы женщин не вызывают у меня ничего, кроме желания дать бедолаге возможность выспаться. Поэтому я стоически накрыл тебя простышкой, выключил свет и ушел спать на диванчик на кухне.-

– Прости, – пролепетала, не смотря на него, совершенно убитая услышанным Ирина, – я доставила тебе массу хлопот.-

И тут же удивленно подняла глаза на Кирилла. Он смеялся, он просто безудержно хохотал. Ирина даже обиженно фыркнула, не понимая, что в ней вызвало приступ этого несдерживаемого веселья.

– Ирин, – наконец, отсмеявшись и еле успокоившись, обратился к ней Кирилл.

– Ирин, ты словно школьница, напившаяся в хлам и приползшая домой под утро после бурной вечеринки одноклассников, краснеющая под убийственными взглядами своих строгих родителей, – уже с мягкой улыбкой произнес Кирилл, – уж мне можешь поверить, я и не такое видал, и у меня нет желания выступать в роли разгневанного предка, но отшлепать тебя бы очень хотелось совершенно по другой причине... – и Кирилл многозначительно замолчал, одаривая Ирину таким откровенным взглядом, что ей хотелось куда-нибудь немедленно сгинуть, но не от стыда, а от вдруг поднявшейся, откуда-то снизу живота, внезапной волны ответной чувственности.

«Нет, только не это, – мгновенно пронеслось в голове, – она против, она не согласна, слишком рано... Ну зачем, этот красавец с рекламного постера так смотрит на нее... О эта млеющая от мужского взгляда женская природа, и она так легко готова сдаться.»

Она опустила глаза.

– И по какой-же, – прошептала она. Краска неумолимо, предательски уверенно заливала ее щеки. На лице Кирилла ровным счетом не проявилось ничего нового. Он даже не изменил позы.

– Я уже сказал тебе об этом ранее, у тебя очаровательная попка... но пить нужно все-таки меньше. Хотя я уверен, что к тебе это не относится, – закончил он, неожиданно резко вставая со стула.

– Ну, кажется, нам пора, – бросил он, собирая чашки со стола.

– Да, кажется, я действительно загостилась, – совершенно сконфуженная последним эпизодом пробормотала Ирина.

– Причем здесь загостилась, – Кирилл стоял напротив и опять, уже серьезно, глядел на нее, словно не замечая ее состояния.

– Время к вечеру, а я хотел бы еще искупаться в пруду рядом с моим домом. Чего ты так смотришь, приведи мне хотя бы один весомый аргумент для отказа поехать со мной. Сегодня суббота. Завтра к вечеру ты будешь дома, завтра уж точно не будет смысла тебя задерживать. Мне тоже на работу в понедельник. Кстати... – он оценивающе глянул на Ирину, – тебе совсем не нужно переодеваться, натягивать на себя прокуренные в вашем бедламе тряпки, ты выглядишь просто обворожительно, совсем гламурненько в моем костюмчике, особенно с этими волосами в естественном беспорядке.-

И он окончательно смутил Ирину, небрежным жестом еще больше взъерошив ее волосы.

Музыка «Европы плюс» поднимала и так вполне бодрое настроение. Ирина, откинув все сомнения и вопросы ровно в момент приглашения поехать к Кириллу в гости, с удовольствием подставляла лицо потокам теплого воздуха врывающегося в открытые окна летящего по шоссе «Мерседеса». Ветер трепал ее светлые волосы, путая и отбрасывая их назад. Ирина смеялась очередному рассказу Кирилла, и ей было так легко и весело. Пусть потом будет больно и грустно, пусть одиночество, еще более страшной тяжестью, давит и съедает поедом душу, зато сейчас она летит рядом с, несомненно, интересным ей человеком, вот так беззаботно болтая с ним, словно зная его уже сто лет, а может больше, словно их пути уже пересекались... где-то там... в пространстве веков...

«Мерседес» съехал с основной дороги и, проехав немного по узкой асфальтированной дороге, проложенной в густом смешанном лесу, миновав блок-пост на въезде в коттеджный поселок, аккуратно двинулся мимо спрятанных среди несрубленных сосен немногочисленных домиков, подъезжая к высокому забору. Ирина сразу отметила наличие камер наблюдения на воротах. Кирилл щелкнул автоматическим ключом, и, довольно внушительные ворота, отъехали в сторону, освобождая въезд. Они еще какое-то время двигались по дороге между таким же густым и совсем неухоженным лесом. Ирина даже и не знала, что сказать, она лишь удивленно глянула на Кирилла.

– Я просто люблю одиночество и дикий лес, – последовал незамедлительный ответ на ее немой вопрос и опять ничего не изменилось в лице Кирилла, как-будто это было такое элементарное желание, для такого абсолютно городского жителя, да еще и активного участника кипящей жизни ночного мегаполиса, – поэтому в этом коттеджном поселке купил несколько участков и сохранил вокруг дома нетронутым лес.-

– И ты совсем не боишься? – Ирине стало даже не по себе, настолько долго они ехали уже по владениям Кирилла, в совершенном одиночестве среди густого леса.

Кирилл улыбнулся.

– Нет, здесь несколько поясов охранной сигнализации, повсюду натканы датчики и полно камер, которые выводятся на мониторы в будке охранников блок-поста, мы его проезжали и конечно все дублируется в ближайшем местном отделении милиции. Вот мы и приехали.-

Ирина не поверила глазам. Она даже не скрывала своего восхищения, высунувшись из окна машины, с восторгом осматривая то, что предстало ее глазам. Лес, наконец, расступался, и дорога выводила на берег пруда, вокруг которого кольцом лежал песчаный пляж, а за пляжем, прорезанный дорожками из цветного камня, расположился необыкновенно ухоженный цветник, поражая обилием цветов, кустов плетистых роз и клематисов, но в неимоверное возбуждение привел Ирину просто сказочный дом. Цокольный этаж, облицованный натуральным камнем, утопал в зелени ухоженного рукотворного парка за цветником, первый этаж, полностью деревянный, открытой площадкой нависал ажурным строением на сваях, прямо над спокойной гладью пруда, искрящегося в лучах солнца уже клонящегося к закату. Последний этаж весь сплошь из стекла, наполненный воздухом, висел почти призрачной конструкцией над этим великолепием под чуть скошенной крышей, покрытой красной черепицей.

– Но ты явно не леший, хоть и любишь дикий лес, – восторженно выкрикнула Ирина.

– Почему, – явно довольный произведенным эффектом скромно поинтересовался Кирилл.

– Потому-что этот дом может принадлежать только современному сибариту, но никак не одичавшему лесному чудаку.-

– Как знать, – улыбнулся ей Кирилл, объезжая пруд и дом и, останавливаясь у выложенного тем же, что и цоколь камнем, невысокого крыльца. Ирина, не медля, выскочила из машины. Перед крыльцом лежал продолжением уже виденного парка ухоженный участок с аккуратно подстриженными кустиками различных растений, маленькими пирамидальными елочками и туями, и опять – обилием цветов, большими горшками с которыми, было даже заставлено все крыльцо.

– Не говори только, что ты сам создаешь это великолепие, – кивнула Ирина в сторону сада.

– Нет, конечно, нет, – засмеялся Кирилл, – я всего лишь его придумываю, а помогает мне одна семейная пара. Они пенсионеры и живут здесь, в этом же коттеджном поселке постоянно. Мы проезжали их дом. Ну что, пойдем в мое жилище. Я уже и проголодался, – протянул ей руку Кирилл. Он протащил ее за руку по длинному коридору первого этажа мимо дверей в какие-то комнаты.

– Кирилл, тут нет комнаты синей бороды, – между прочим, поинтересовалась Ирина.

– Нет, – засмеялся Кирилл, – я тебе обязательно покажу каждую, если у тебя появится желание ночевать отдельно, – и он прямо и вполне серьезно глянул ей в глаза, а Ирина вдруг прижалась к его руке и горячо прошептала, – не появится, однозначно, я лучше на коврике, но с тобой. Я безумно боюсь спать одна в комнате в частном доме, я верю в садовых гномиков и лично встречалась с барабашками, и эта встреча навсегда отбила желание еще раз пересекаться с ними.-

Это позабавило обоих и вызвало опять же громкий смех Кирилла. Вот также Ирина, вцепившись в руку Кирилла, под его грохочущий смех и влетела в огромную кухню.

– Кирилл Евгеньевич, а я уже думала звонить вам, не случилось чего? —

Ирина от неожиданности тормознулась у входа, мгновенно отцепляясь от Кирилла.

Довольно миловидная пожилая женщина, худенькая с аккуратно подстриженными и уложенными в идеальной прическе седыми волосами сама осеклась, развернувшись от плиты и, видя рядом с Кириллом, Ирину. Ей не удалось скрыть моментально проявившегося на лице удивления. Она нервно отряхнула свой идеальный, без единого пятнышка, красный в белый горошек фартук.

– А вот и моя несравненная домоправительница, Зинаида Андреевна, – представил ничуть не смущенный Кирилл женщину Ирине.

– Извините, Зинаида Андреевна, сегодня так сложились обстоятельства, немножко подзадержался, а Сергей Иванович? —

– Он в гараже, будет минут через пять, да вот он уже, – Зинаида Андреевна выглянула в окно кухни. Ирина увидела, как мимо окна проехала белая машина и услышала, как шум мотора затих, где-то в районе крыльца.

– Я поприветствую и переговорю с Сергеем Ивановичем. Там с воротами какие-то проблемы. Побудь здесь, – улыбнулся он Ирине и вышел. Ирина смотрела на еще несколько растерянную Зинаиду Андреевну, не зная как быть дальше. Она хотела что-то сказать, но лишь растерянно сжала губы в какой-то виноватой полуулыбке.

– Ирочка, – наконец вышла из оцепенения домоправительница, беря на правах ранее присутствующего человека на территории кухни бразды управления ситуацией в свои руки, давая Ирине, уже совершенно потерявшейся в мучительном, мысленном поиске выхода из затянувшегося растерянного молчания, возможность выдохнуть с облегчением. – Давайте я покажу вам, куда чего прибрала. Кирилл Евгеньевич днем предупредил, что приедет на пару дней, правда не предупредил, что у него ожидаются гости, я тут кое-что приготовила. Только разогреть. –

Она открыла холодильник, показывая его наполнение Ирине. Объяснила предназначение каждой кастрюльки с ее содержимым, томящейся в духовом шкафу, наконец, приоткрыла прикрытую чистым полотенцем свежее испеченную клубничную шарлотку.

Ирина вполне серьезно выслушала все ее советы по использованию каждого блюда.

– Вот кажется и все, – наконец закончила Зинаида Андреевна, – побегу я... – Она быстро сняла свой фартук в горошек и аккуратно повесила его на крючок за холодильником, как-то несколько замешкалась словно что-то проверяя в своей сумочке, прошла через кухню и вдруг у дверей решила: – Ирочка, вы явно не из этих... ну... сами понимаете, – развернувшись и поглядывая на Ирину начала, явно смущаясь, она. Ирина удивленно, но внимательно смотрела на нее.

– Это конечно не мое дело, – наконец, словно окончательно для себя все решив, быстро заговорила Зинаида Андреевна.

– Вы понимаете, Кирилл Евгеньевич, он не водил до вас сюда никого, нет, вы не знаете... больше шести лет, как построил этот дом. Я не знаю всех подробностей, но он, как это лучше сказать, он как подранок, он такой... яркий, умный, он этих племянников опекает, без ума от них, но он все время здесь один, ну вы понимаете, о чем я, и вы... за столько лет... я очень удивлена, может я зря это все, но он очень добрый человек. Он охрану всего поселка взял на себя, а нас особенно зимой часто грабили, он внимательный, я знаю мы часто говорили с ним.... В общем будьте милосердны, не делайте ему больно... Извините, если что, – и, окончательно смущенная, Зинаида Андреевна, развернувшись быстро пошла по коридору к выходу.

Ирина, как-то не очень поняв, о чем собственно речь, еще какое-то время смотрела в опустевший коридор.

«И как это все понимать? – крутилось в ее голове, – а может это еще что-то похуже синей бороды, если он не привозил сюда женщин, в квартире только племянники, и что нужно этому абсолютно здоровому мужику, по крайней на первый взгляд, от нее. Она не сторонник сексуальных экспериментов и не любитель всяких экстремальных отклонений в этой сфере.»

И от этих мыслей становилось как-то совсем не по себе.

– Всё, я дома, – восторженно выкрикнул появившийся, наконец, на кухне Кирилл, стягивая с себя белую легкую рубашку, бросая ее на один из ажурных плетеных кухонных стульев с округлой удобной спинкой и оставаясь в шортах.

«Ну, ну,» – пронеслось мгновенно в голове, и Ирина, пользуясь отвлеченным вниманием Кирилла на хозяйское изучение своей загородной кухни, с никак не исчезающим, а словно назло Ирине все более обостряющимся интересом, уже с полным удовлетворением – «да, да», – пришлось мысленно констатировать этот факт, любовалась, именно так, любовалась его идеальным, загорелым телом...

Уходящий вечер заканчивался вполне мило, совсем в русле рамок и ограничений, выстроенных непрошибаемой стеной решения Ирины держаться хотя бы эмоционально подальше от такого близкого присутствия, несомненно, яркого источника мужской энергетики. После обильного и необыкновенно вкусного, заботливо приготовленного умелой рукой ужина, Ирина утащила Кирилла в сад, где тот, с нескрываемым удовольствием, бродя между кустиками и клумбами, по присыпанным белым песком, аккуратно и четко обозначенным дорожкам, очень обстоятельно, объяснял ей устройство альпийской горки с подробным описанием растущих на ней растений. Ирина с головой ушла в этот, всегда увлекающий ее мир природы, своим любопытством заставляя Кирилла все глубже и подробней описывать, казалось бы, совершенно банальные вещи в отношении ухода за этим прекрасным в своей рукотворной красоте мире флоры ограниченного пространства парка вокруг далеко неординарного дома Кирилла. Она даже не замечала, как именно этот, неподдельный искренней интерес ее, стремящейся познать максимально глубже соприкасающийся с ней предметный, принадлежащий всецело Кириллу мир, незаметно для нее, уничтожал мысленно настроенные баррикады, освобождая пространство для такого незримого, спокойного вторжения в ее уже чувственный мир, рождая эту необъяснимую, нелогичную в ее ситуации полнейшего запрета на снисхождение, до малейшего колебания в сторону, хотя бы на разрешение снова что-то почувствовать к мужчине, все четче проявляющую себя связь. Она слушала его объяснения, нарушая их неожиданно приходящими в голову вопросами, смеялась вместе с ним над его шутками, нюхала цветы и даже касалась листьев или ветвей карликовых деревьев и кустарников, растущих в маленьком парке, если их касался Кирилл и это проявление обычного, такого простого, человеческого в этом, на первый взгляд, надменном, полном напыщенной, непробиваемой недосыгаемости, успешном красавце, все более затягивал ее в открывающиеся двери нового и такого любопытного бытия этого человека.

– Кирилл, я ничуть не удивлюсь, если узнаю, что ты сам колешь дрова для камина, мастеришь себе полочки на кухне и ловишь рыбу с веранды своего дома в пруду, – наконец выдала Ирина после возвращения их к выложенному из каменных плит крыльцу дома.

– Нет, ты ошибаешься, – очень серьезно ответил Кирилл, – дрова я еще порублю, но рыбалка... скучновато. Я люблю путешествовать, знакомиться с новыми странами и людьми, на это уходит очень много времени. Ты знаешь, я жаден, да, да, – энергично закивал он в ответ на удивленный взгляд Ирины, – я неконтролируемо жаден на впечатления. Ты знаешь, я до сих пор не могу понять, откуда это у меня, скорее всего природное. Я вырос в Москве – обычная семья, мама – учительница, отец – мастер на заводе. Но у меня была удивительная тетушка. Родная сестра отца, она была обычным врачом. Она объездила весь бывший Союз, а потом все бывшие страны СЭВа. Я заслушивался ее рассказами. Нравы, обычаи, встречающиеся ей люди, события происходящие с ней в поездках, архитектура и пейзажи тех

мест... В общем всё, что с ней происходило и всё, что она видела и о чем рассказывала мне, просто затягивало меня с головой, не давая спокойно жить. Знаешь, когда я приезжал в родной городок отца к бабушке, я часто в одиночестве садился на подоконник в ее небольшом доме, стоящем на самом краю рабочего поселка и смотрел на далекую, длинную, уходящую за горизонт лесопосадку, из-за которой слышался стук колес поездов, проезжающих там, по закрытой лесопосадкой железной дороге. Дорога вела дальше – к Уралу, в Сибирь, к Дальнему Востоку, а там океан... А там много необычных стран, а за океаном... Захватывало дух... Потом зачитывался Жюль Верном, не пропуская смотрел все выпуски передачи «Вокруг света», читая все что хоть как-то связано с географией. Я думаю, пожалуй, вот эта безумная тяга к путешествиям и заставила меня стать тем, кем я есть сейчас, заставила иметь возможность увидеть множество стран.-

– А, значит, эта тайная страсть сделал тебя одиноким, я ведь не ошибаюсь, у тебя нет семьи... – Ирина осеклась. Его глаза вдруг стали жесткими, мгновенно превращаясь в те узкие холодные щелочки, как в клубе, в момент грозящей опасности. Он молчал, разглядывая ее в эти щелочки, словно напряженно обдумывал опасную для него ситуацию.

– Прости, – опять покраснев, произнесла Ирина, – глупое женское любопытство, я правда не хочу вторгаться на твою территорию. —

– Пойдем в дом, – взгляд Кирилла стал мягче, – закат встречать прикольно на террасе, болтая ногами в теплой воде пруда.-

И это действительно было прикольно.

– А русалка ногу не пощекочет, – пошутила Ирина, покосившись на спокойно сидящего Кирилла, разглядывавшего что-то или просто смотрящего на воду пруда у ног.

– Нет, русалки в это время в лесу на ветвях сидят, – на полном серьезе ответил он ей.

– Кстати, ты что-то говорила о барабашках, – вопросительно глянул на нее Кирилл.

– Да так, – махнула рукой Ирина, – страхи детства. Я темноты всегда жутко боялась, ты знаешь, и до сих пор иногда с включенным светом одна в квартире сплю, а жила с родителями в частном доме. Как-то выскочила из своей освещенной детской комнаты зимним утром в темный зал, а в кресле сидит белый старик с длинной бородой... До сих пор жутко... Так и не знаю, откуда это видение. – Ирина покосилась на Кирилла, ожидая его реакции, и одновременно удивляясь своей необъяснимой открытостью, зачем она это ему сказала. Она даже ведь родителям ничего не рассказала тогда, да и потом, старалась не вспоминать, а уж тем более никому не говорила об этом случае. Что он о ней подумает?

– Удивительно, – лишь спокойно произнес Кирилл, не отрывая взгляд от воды, – поэтому ты любишь природу, но боишься темноты – у тебя есть связь с тонким миром.-

– А у тебя? —

– Нет, – мотнул головой Кирилл, – ты женщина, у тебя это проявляется острее, а я... я всего лишь естествоиспытатель – мужчина, я люблю ночь, она обостряет чувства, а здесь в почти диком лесу и еще заставляет собраться и воспринимать, почти ощущать окружающую тебя тайную жизнь, как первобытный охотник. Хотя, к сожалению, здесь, по большому счету, до скукоты безопасно – везде датчики понатыканы. Придурков поживиться кругом полно.-

Красный шар солнца скатывался за горизонт, теряясь где-то в ветвях старых елей и сосен нетронутого леса окружающего такой претензионный дом современного горожанина. С уходящим солнцем в наползающих постепенно сумерках медленно, но верно пожирающих четкость окружающих предметов, наполняя пугающим мраком и лес, и кусты, и даже клумбы с цветами, приходила ночная прохлада, делая весьма чувствительной разницу температуры остывающего воздуха и нагретой жарким солнцем за день воды, и от этого болтать ногами в ней было еще приятней. Они молча сидели на краю деревянной террасы, лениво иногда разрушая ногой неподвижную гладь пруда. Неизвестно где витал Кирилл, явно полностью ушедший в свои глубинные думы и не обращающий на Ирину ни малейшего внимания. А Ирине

становилось жутковато. Она совершенно отчетливо ощущала свое одиночество в этом отзывающимся непонятными, многочисленными звуками, почти диком лесу, глухой стеной стоящим вокруг маленького островка цивилизации. Ей мерещились сумрачные тени в кустах, какое-то движение и осторожное любопытство проснувшихся ночных жителей окружающего мира, для которых закат являлся началом их активного существования. Она даже боялась вглядываться в ночной лес, с ужасом ожидая, что может увидеть нечто, пугающее и непонятное.

– Ладно, давай вылезать из нирваны, – голос вернувшегося Кирилла даже вызвал вздох облегчения. Он встал и подал ей руку, помогая подняться. Босыми ногами они прошлепали по деревянному полу террасы.

– Ты не замерзла? – в голосе Кирилла звучала забота, – я не очень гостеприимный хозяин, дурацкая привычка к одиночеству, как только чудный вечер, я, как восторженный идиот впадаю в состояние блаженства и ухожу в отключку, но сегодня... Прости, – и он виновато, даже чуть смущенно посмотрел на Ирину.

– Да ладно, – махнула лишь рукой Ирина, – все мы с определенными тараканами в мозгах, ты мне тапки не дашь, правда, уже прохладно босиком.-

– Тапки... – Кирилл округлил глаза и задумался, – проблема, у меня нет тапок, но есть неплохая идея. —

Он схватил Ирину за руку и потащил по лестнице на второй этаж.

– Сейчас тебе станет теплее.-

Ирина с удивлением оглянулась. Чудеса продолжались. Стеклой стены второго этажа создавали полнейшую иллюзию нахождения в открытом пространстве летней ночи, наконец захватившей мир.

– Давай сюда, – Кирилл, не включая света, подошел к большому дивану, стоящему в центре стеклянной комнаты и разложил его, превращая в широкую кровать.

– Да не бойся, двигай быстрее, – видя нерешительность Ирины, прикрикнул он, – я же сказал, комнат у меня много, посижу с тобой немного и дрыхнуть пойду.-

Ирина прошла по мягкому ковру с длинным ворсом, который приятно пощекотал босые ноги и села на бархатистую мягкую поверхность разложенного дивана. Кирилл прикрыл ее ноги легким пледом, лежащим тут же на диване.

– Кирилл, почему ты привез меня сюда, – Ирина даже сжалась, внутренне ожидая, что его глаза снова превратятся в узкие щелочки, излучающие оценивающий жесткий взгляд.

Но Кирилл, вдруг, неожиданно усмехнулся.

– А зачем тебе сидеть дома одной, все выходные и... жалеть себя. Ведь в одиночестве, я прав? —

Ирина лишь молча опустила глаза и тяжело вздохнула.

«Конечно прав, – пронеслось в голове, – еще как прав».

Кирилл не ждал ответа. Он подошел к открытой половине стеклянной стены, вглядываясь через нее в наводящую неподдельный ужас на Ирину молчаливую темную громаду жуткого леса.

Прямо над кромкой леса, в черном ночном небе, заполняя всё собой, висела полная луна, заливая мертвенным блеклым светом подлунный мир ночи, вызывая какой-то потусторонний мерцающий отсвет воды пруда.

– Жуткая красота – полнолуние, – тихо произнесла Ирина, инстинктивно натягивая повыше плед, – я и не знала, что сегодня полнолуние.-

Кирилл обернулся от стеклянной стены.

– А ты что, боишься, что я превращусь в оборотня, – усмехнулся он, подходя к дивану и садясь рядом с Ириной. Его глаза смеялись. Они были совсем рядом. Лунный свет свободным потоком, минуя прозрачный барьер, заливал и эту стеклянную комнату, падая на сильный торс Кирилла, рельефно выделяя накаченные мышцы. Ирина осторожно из-под ресниц бро-

сила на него взгляд. Утреннее любопытство проснулась в ней, тут же таща за собой дикое желание – прикоснуться к этому красивому телу снова, уже осмысленно вдохнуть его запах. Лунный свет творил с ее совсем равнодушной, уснувшей душой что-то невероятное, как-будто нарочно дразня и играя с нею, подчеркивая и выделяя своим особым свечением, похожее на статую античного героя, тело сидящего рядом Кирилла, вызывая эти древние затаенные силы, глушащие пока пытающиеся сопротивляться доводы рассудка.

– Издеваешься над незащищенной женщиной, – сыронизировала Ирина, – я вообще темноты боюсь с детства, а тут дикий лес кругом и мы одни. –

– А разве плохо, что одни, – Кирилл прямо посмотрел на нее, чуть приблизившись. Ничего не случилось, но Ирина опять ощутила эту горячую волну, прошедшую по телу, бороться со своей душой становилось все трудней.

– Разве не прекрасен ночной мир, – Кирилл снова стал дальше, оглядываясь вокруг, внимательно разглядывая через стекло окружающий дом, залитый лунным светом ночной пейзаж.

– Не знаю, – совсем тихо произнесла Ирина, – ночь прекрасна... по-своему. Но видимо я дитя солнца, – уже уверенней добавила она, – поэтому спокойней чувствую себя при дневном свете. А ночь вызывает во мне панический страх, и не заставляй глядеть меня на эти тени в темном лесу, – Ирина даже сползла по подушкам дивана ниже, лишь бы не смотреть туда, куда так спокойно и весьма заинтересованно смотрел Кирилл.

– Ты знаешь, есть только один способ отвлечься от страха, – и Кирилл, ухмыльнувшись, вдруг резко наклонился к ней.

– Какой, – только успела пролепетать Ирина. Безрассудство победило мгновенно, растоптав остатки здравомыслия, когда его горячие требовательные губы накрыли ее приоткрытый рот. Лунный свет сделал свое дело, ломая последние хрупкие барьеры.

«Раз это неизбежно пусть это будет», – осталось одно в затухающем вновь сознании.

Ирина жаждала получить всё, что лишь, смутной тенью, позволяла представить себе в мимолетном видении, еще в офисе, при его внезапном появлении. Рассмотреть, почувствовать всего его полностью, получить всего без остатка и раствориться в нем, теряя себя. Она жадно ловила каждый его вздох, подчиняясь малейшему движению, предупреждая его желание. Она не думала ни о чем, ни о прошлом, ни о будущем, проживая в этом конкретном времени вдруг неожиданно такие восхитительные минуты, такие новые, очистительной лавиной сметающие любые остатки былых переживаний, мгновения удивительной высоты ощущений и чувств. Она полностью растворилась в пугающей ее ранее ночи, под светом луны превращаясь из хрупкого дрожащего существа в полноправного участника этой древней игры, становясь центральной частью такого огромного подлунного мира, даря себя сильным рукам, вдыхая запах разгоряченного тела, слыша учащенное дыхание и сама, теряя себя безвозвратно, растворяясь в, словно замершем в благоговении царстве ночи, проступающем так явственно через хрупкие стеклянные стены, боящегося неосторожного своего вторжения в сакральное действо и, наконец, ослепительный взрыв...

– Ты и теперь боишься ночи, – через несколько мгновений прошептал Кирилл, глядя в ее еще несколько отрешенные глаза. Ирина лишь покачала головой.

Теплая вода душа и мягкие прикосновения Кирилла совсем умиротворили еще, чуть-чуть, возмущающуюся душу.

Ирина с удовольствием вытянулась на шелковистой поверхности дивана.

– Спи, я спрячу тебя от полной луны, – улыбнулся ей Кирилл, обнимая ее, прижимая к своему сильному обнаженному телу.

Она долго еще лежала, прислушиваясь к его мерному дыханию, и совсем без страха смотрела через стекло стены, как медленно гаснут звезды, и тает пугающий диск полной луны. Раннее летнее утро торопило уход ночи.

«Но ведь это всего одна ночь полнолуния, – вдруг промелькнула паническая мысль, – да, просто в другие ночи я не буду замечать полнолуния за стенами своей однушки,» – грустно, но честно успокоила себя Ирина, проваливаясь в забытие или сон...

– Нет, нет, пожалуйста, нет, – пробился сквозь сон горячечный бред и разбудил Ирину. Она, еще ничего не понимая, обвела сонными глазами комнату. Еще видная, но уже бледная, почти потерявшая свой магический свет, огромная луна висела над кронами деревьев. Картинка практически не изменилась. Значит, проспала она недолго.

Кирилл стоял у стеклянной стены, и было что-то в его недвижимой фигуре непонятное и от этого пугающее. Словно окаменевшая, холодная статуя заняла его место, невидящими глазами, упорно смотря в точку через стекло на бледном диске луны. Ирине реально стало жутко, – «досмеялись, – мелькнуло в голове, – и правда – превратился в оборотня.»

– Лиза не нужно, вернись, – бормотал Кирилл, вытягивая вперед руки с растопыренными пальцами, словно останавливая чье-то движение. И это что-то или кто-то, так осязаемо присутствовало перед ним в комнате, наполненной блеклым светом луны, сдающей позиции ночи, торопящемуся ей на смену летнему утру. Ирине стало слегка дурно, это уже не походило на мозговые действия одурманенного алкоголем разума – типа войнушки, с представляемым противником под диванами, устраиваемой периодически ее мужем-алкоголиком при посещении его белой горячки, это было покруче. Кирилл явно, совсем осознанно, общался с кем-то невидимым, держащим его в своей полной власти, так ощутимо наполнявшим почти звенящим ужасом, пространство стеклянной комнаты, заставляющим Ирину забиться в угол дивана, закрываясь простыней. Хотелось орать визжать и может ударить Кирилла, лишь бы привести в чувство, но страх не сломал ее, заставляя зайти в истерику, хотя обездвигил, парализуя тело. С Кириллом что-то происходило и где-то, в подсознании, требовательно билась мысль: – «ему же нужно помочь».

Но она лишь, молча, наблюдала за происходящим, не двигаясь, интуитивно уверенная в правильности своего поведения, боясь лишним словом и даже вздохом нарушить эту мистическую связь, нечаянным движением разорвать эту тонкую нить с потусторонним, в котором и пребывал сейчас Кирилл.

– Пожалуйста, Лиза, вернись, – его шепот становился все бессвязней, переходя в непонятное бормотание. Наконец, он просто зашелся давящим его криком, поднимая безумные остекленевшие глаза к луне: – нет, Лиза нет, ну почему, – его руки бессильно упали и он еще несколько мгновений стоял окаменевшим изваянием, словно отпуская что-то невидимое, уходящее от него через блеклый свет луны, теряясь в замершем небе, ожидающим приход уже скорого утра... Наконец, Кирилл стал постепенно оживать, бессмысленным взглядом обводя комнату, не задержавшись ни на чем, явно не видя окружающего и не замечая уже больше удивленной, чем испуганной Ирины. Он, пройдя по комнате, шагнул на лестницу. Вернулся он через несколько минут с бокалом в руках, наполненным темной жидкостью и кубиками льда.

– Прости, я, наверное, напугал тебя похуже полной луны, – тихо произнес он, не глядя на Ирину, опускаясь на край дивана, – хочешь вискарь, – глухо спросил он, не оборачиваясь.

– Нет, Кирилл, я не хочу вискарь, – тихо ответила она и, вдруг, прижалась к его ссутуленной спине, обнимая его, щекой ощущая его горячую кожу и чуть подрагивающие мышцы. Он еще был в своем видении, там, в тех ночных кошмарах, так медленно отпускающих его. Ирина не требовала объяснений. Она молчала, слушая его дыхание, ощущая, как бьется его сердце, слыша, как он глотает виски. Она не мешала ему выходить из своих ночных видений, просто ей вдруг стало безразлична терзающая его боль, она совершенно отчетливо поняла – его мир стал частью ее, независимо от того, нужно это ей или нет. Хочет она этого или отвергает. Он просто гармонично и незаметно отодвинул все назад и спокойно, как-то неизбежно занял все ее личное пространство. И это не приносило огромной радости, это пугало ее. Ее законченную фаталистку, уверенную в неизбежности краха личных отношений.

Кирилл потянулся, ставя стакан на пол, освобождаясь осторожно из объятий Ирины, и повернулся к ней.

– Я не хотел превращаться в оборотня, – глядя прямо ей глаза, произнес он.

– И давно ты пребываешь в своем аду, – тихо спросила Ирина.

– Ты очень точна в аду и поверь, в заслуженном аду. —

– Хочешь рассказать? —

– Обязательно, если можно в другой раз.-

– Тогда проехали, – улыбнулась ему Ирина, – уже почти рассвело, может, попытаемся заснуть.-

Она почти мгновенно провалилась в спасительный сон, сразу же, как только очутилась в горячих объятиях Кирилла. Требовательный луч солнца разбудил ее, рассыпаясь зайчиками, сталкиваясь со стеклянной поверхностью этажа. Кирилла рядом не было. Ирина осторожно спустилась по лестнице и тихонько прошлепала по коридору в направлении туалетной комнаты.

Она, зябко кутаясь в махровый халат, прихваченный в ванной, стояла на террасе, наблюдая, как в утреннем тумане, легкой дымкой накрывающей гладь пруда, появляется над его поверхностью сильное тело и снова пропадает, в резком движении разбрасывая вокруг себя мириады брызг. Казалось, Кирилл, в немой ярости борясь с водной стихией, отдавал свои ночные ужасы этой переливающейся, рассыпающейся в брызгах, замыкающей свои объятия над упавшим в нее телом, субстанции, растворяя в ней последние видения ночи.

«Станный, странный, даже очень» – возникло в голове утверждение, но притяжение, которое он рождал, уже вырывалось на свободу и существовало отдельно от Ирины, еще сильно сомневающейся в праве существования этого притяжения.

– Привет, – махнул он рукой, выныривая, мотая головой, так смешно по-собачьи, отряхивая волосы.

– Привет, – улыбнулась ему Ирина, – давай вылазь уже, будем завтракать, там Зинаида Андреевна оставила много вкусностей.-

Завтракали они на террасе и Ирина, оглядывая проснувшийся, шумящей птичьим гомоном лес, с удивлением вспоминала ночные страхи. Легкий ветер чуть сморщил гладь пруда, а из памяти ушли малейшие напоминания о ночных событиях, и Ирина с удовольствием тянула из чашки любимый кофе с молоком, улыбаясь заливающимся искренним смехом Кириллу, рассказывающему о проказах своих племянников.

– Ну что продолжим наш уикэнд? – наконец произнес Кирилл, решительно ставя пустую чашку на стол.

– Ты что-то предлагаешь, – протянула Ирина, совершенно расслабившись сидя, вольготно вытянув ноги и опершись на спинку плетеного кресла. Честно, она вообще была бы не против, без всякого энтузиазма, вот так просто, сидеть у пруда, наблюдая за бегом редких облаков, может даже немного тут же и перекимарить, но Кирилл был настроен явно несколько иначе. Он, словно прочитав ее мысли, резко поднялся и подошел к ней, протягивая руку.

– Не верю, что ты лентяйка. Пойдем, переоденемся и немного прогуляемся. Тут есть даже очень любопытные места.-

Уже через полчаса Ирина, переодетая в выданные ей вчера шортах и майке, довольно бодро шлепала в своих лодочках по лесной тропинке, на которую сразу же попали, выйдя через калитку в заборе, миновав просторные владения Кирилла.

Лес конца июля, пронизанный лучами солнца, чуть потерявший сочность красок присущих его зелени в начале лета, но все также наполненного звенящей прозрачностью лесного воздуха, совершенно кружил голову. Ирина топала, осматривая по ходу лес, но чаще бросая осторожные, оценивающие взгляды в сторону высокой, уверенно шагающей впереди, фигуры Кирилла. Ничего она не могла с собой поделать.

«Наверное, это и есть – пресловутый магнетизм», – опять выплыло в голове. Он повернул к ней лицо и неожиданно задорно подмигнул.

– Сейчас начнется самое интересное, давай руку.-

Он, осторожно поддерживая ее, помог перебраться через небольшой ров, наполненный журчащей прозрачной водой, бьющего где-то неподалеку родника и, пройдя еще немного, они, вдруг, оказались на вполне широкой выложенной бетонными плитами капитально устроенной дороге. Ирина даже не нашла, что сказать. Дорога выходила из-за лесного поворота, словно из ниоткуда и уходила, теряясь во вплотную обступивших ее зарослях, уходя в никуда. Несмотря на то, что ей явно давно не пользовались, и в стыке плит уже прорисовывалась зеленью проросшая, по-хозяйски занимающее вдруг нарисовавшееся для нее пространство, лесная трава, дорога все еще производила впечатление мощи и долговременности, которую закладывали в нее при строительстве.

– Ничего себе, – не сдержалась Ирина, – шикарный футуристический пейзаж.-

– Я же сказал, что тебе понравится, – самодовольно выдал Кирилл, – пойдем дальше.-

Он уверенно взял ее за руку и спокойно повел по этой широкой дороге. Идти было легко. Жаркие лучи солнца рассыпались, пробивая кроны высоких елей по краям дороги, а гибкие ветви различных лиственных деревьев и кустарников, почти выползших на сами плиты, естественными зонтиками нависали над дорогой, окончательно даря благословенную в этот жаркий день тень и прохладу. Миновали небольшое озеро у дороги.

– Вот это да, – лишь и смогла выдохнуть Ирина, когда ее глазам предстала картина, которая была бы очень достойным естественным декорацией для какого-нибудь серьезного фантастического фильма. Лес стеной окружал явно рукотворную, когда-то по задумке тех же ваятелей, объемную плешь, впрочем, уже успевшую порастить молодыми деревьями и гибкими вездесущими кустарниками, но это добавляло увиденному какой-то нереальности, наполняя определенным мистицизмом. Солнце заливало эту фантастику и, наверное, поэтому Ирине не было особенно жутко. Дорога шла дальше, где в центре плещи возвышался огромный холм. По периметру плещи стояли четыре вышки с сохранившимися огромными линзами прожекторов, а по всему пространству плещи ржавели редкие остовы брошенной техники, какие-то кабины машин, и даже небольшой автобус, в проемах бывших окон которого трепетали на набегавшем иногда ветре зеленые листочки хрупких молоденьких осин. Бетонные столбики, обозначающие границу плещи, еще где-то держали прикрепленную к ним колючую проволоку, но по большей части ее рогатульки торчали из травы колючими змейками, упав от естественных причин или сорванные чьей-то рукой, ржавея на бледном песчанике.

– Вот он – фантом прошедшей эпохи, призрак ушедшей империи, – вдруг тихо протянул Кирилл. Ирина лишь вопросительно глянула на него.

– Это бывшая ракетная база, часть щита защищающего когда-то Москву. Когда-то запретная территория.-

Они молча двинулись вперед по бетонным плитам. Дорога привела прямо к холму оказавшимся огромным ангаром, в котором видимо и стояли ракетные установки, пущенные в утиль. Мощные железные ворота, когда-то сверхсекретного объекта открыты настежь, словно зазывали редких любопытствующих убедиться в полной пустоте своего чрева, когда-то начиненного новейшими достижениями оборонной промышленности, воплощением дерзаний все далее улетающей в глубины непознанного научной мысли заката эпохи великого государства. Ирина осторожно шагнула в ангар, дышащий холодом и влагой, несмотря на наружную жару. Она с любопытством оглядывала пустой зал. Какие-то разбитые детали чего-то, спутанные клубки проводов, даже обрывки каких-то бумаг. Впрочем, внутри хранитель ракетного комплекса был не очень глубоким, но высота поражала. Поражала глобальность осуществленного замысла, поражала глобальная заброшенность.

– Когда бы ты еще побывала на территории супер секретного объекта, – вполне серьезно глядя на нее произнес Кирилл, – хотя бы в таком виде, – тихо добавил он.

– Пойдем отсюда, я хочу к твоему пруду я... честно, вполне удовлетворила свое любопытство, – Ирина поспешила из полумрака влажного чрева холма на залитую солнцем плешь.

– Ты даже не полезешь на вышку, оттуда видна крыша моего дома, – удивился Кирилл.

– Нет, как-нибудь в другой раз, на сегодня экскурсия закончена, – твердо произнесла Ирина, – я небольшой любитель лазить по останкам недавней истории.-

Кирилл внимательно посмотрел на нее.

– Ты знаешь, а я бы законсервировал этот объект, сохранил его в таком виде и водил сюда экскурсии школьников, как к памятнику жадности и недалёковидности стоящих у руля власти временщиков.-

– Вот и я про это, – эхом ответила Ирина...

Вечером, после душа в своей маленькой квартире, куда привез ее Кирилл, она ухнулась на узкую кровать, укрывшись простыней с головой. Мгновение за мгновением она прокручивала в памяти события этих выходных. Ей не хотелось ни с чем сравнивать. Это была другая жизнь, другие события, прожитые другой женщиной, не Ириной в обычной ее жизни. Эта была галлюцинация, прекрасные мгновения параллельной реальности, случайно запутавшиеся в ее обыденности и нынешней повседневности. Завтра все это исчезнет, Ирина была в этом абсолютно уверена, чем-то она разгневала свою судьбу, которая методично разбивала ее надежды на счастье, посылая одно испытание за другим и играть с ней не было ни малейшего желания.

«Вот пусть завтра это и будет, а сегодня нужно спать», – решила, наконец, Ирина, и яркость картинки начала медленно размываться.

ГЛАВА 5

Великолепное утро, обещавшее яркий день, встретило Ирину глубоким синим небом. Лето продолжало дарить чудную погоду, обещая новые забавы на природе. Ирину, правда, это не особо сегодня волновало и даже не потому, что это утро было утром понедельника – началом рабочей недели. В гремящей, привычно наполненной электричке, Ирина не видела проносящиеся за окном виды. События выходных будоражили душу, заставляя усиленно работать мозги, прокручивать заново прошлую жизнь и принимать мучительное решение. Казавшаяся спасительной в ее ситуации мысль, что Кирилл сам не продолжит отношения представлялась не очень правдоподобной после всего того, что случилось. Тогда что? Она вспомнила свое первое впечатление о нем. Холодный, равнодушный красавец с рекламного проспекта, несколько не от мира сего в силу своего достигнутого лично им самим статуса. Тусовщик и сибарит, любитель острых ощущений, в нагоняющей на него мутную тоску обыденной жизни, поэтому и неспособный нести ответственность за семью, которую и не создает, чтобы не мешать получать удовольствия от жизни для себя любимого. Этаким современный небожитель, скукающий в мелкой суете людишек, таких, как Ирина, безуспешно ковыряющихся по жизни, достигающих ежедневным трудом некоторых результатов. В общем, он типичный представитель винеров – победителей. А она типичный представитель лузеров – вечно проигрывающих. Он – яркий представитель нового класса, типичный, как железное устоявшееся правило. Но... из правил всегда есть исключение, за выходные она узнала его ближе. Нет, причина ее сомнений не в этом, в Кирилле, несомненно, еще жива душа, сострадающая и чувствительно тонкая, не убитая всепоглощающим эго. Значит дело в ней самой? Конечно... Она вдруг четко вспомнила лицо, которое было засунуто в самые дальние уголки памяти, похоронено и затоптано. Ее первая безумная любовь. Институтский фарцовщик-красавец, не расстающийся с гитарой, супермодный плэйбой, кумир общаговских девчонок, громко именующий себя бардом. Это был удар прямо в сердце, прямое попадание, когда она, приехавшая из небольшого уральского

городка для поступления в институт и мечтающая о джинсах в эпоху развитого повального дефицита и благоденствия дельцов теневой экономики, когда «завсклад, товаровед, директор магазин» были, чуть-ли не богами, в сравнении с ее родителями – инженерами. Этот герой-любовник из девчоночьей мечты вдруг: «о боже!» – обратил на нее внимание. Чувство кружило голову и сводило с ума, ревность, к, бесконечным хороводом выющим вокруг героя, девчонкам, не давала спокойно жить. Это была восхитительная и горькая круговерть. Правда хватило его почти на год, ровно до того момента, когда ему повстречалась дочка генерала, откуда-то из Прибалтики. Ирина, получив удар поддых, когда он объявил ей, что бросает институт и уезжает в Прибалтику жениться, трое суток провалялась на общаговской кровати, пугая своим болезненным сном девчонок по комнате, которые робко ставили к ее кровати стакан молока с хлебом. Она невменяемая просыпалась ночью и, совершенно равнодушная ко всему окружающему, выпивала молоко и съедала хлеб, доходила до туалета и опять бухалась в кровать. Через три дня она ушла гулять по Таганке, на набережную Москвы-реки, для нее этот этап жизни был забыт. Конечно, папе-генералу не улыбался зять-фарцовщик с гитарой, и герой вернулся в московскую общагу очень быстро, но Ирина, наверное, воспитанная в духе ответственности за судьбу и вере в искреннее чувство, с полной отдачей себя с головой другому и, твердой уверенностью перенося свои убеждения на всех, не понимая, как можно поступать иначе, короче говоря, воспитанная полным «совком» с точки зрения продвинутого героя-фарцовщика, полностью воспринявшего уже вползающие ядовитым туманом в мозги людей категории западных ценностей, так неминуемо толкающие великую страну к уже недалекой катастрофе ее распада и унижения, категорически не восприняла горячие клятвы героя в вечной любви, лишь удивляясь, о чем сейчас ей говорит по сути совершенно чужой, незнакомый человек... Через два года случайная встреча во время ее прогулки с подружкой в парке Горького с двумя парнями, совершенно обычными студентами другого института. Подружка вышла за одного из них раньше на год. У Ирины роман с парнем из Подмосковья, ничем, в общем-то, непримечательным, но таким интересным вдруг для Ирины, продлился на год дольше и закончился пышной свадьбой и рождением дочери. Именно закончился, поскольку в мутные девяностые, когда начались серьезные трудности у большей части населения погибшей империи, муж элементарно ушел в алкогольное забытие, прячась за миражем алкогольных паров дурманивших голову в безмерно тяжелой реальности, с которой Ирине приходилось сражаться в полнейшем одиночестве. Чувства угасали по мере того, как муж глубже вяз в этой, засасывающей и не такие светлые головы, мерзкой вонючей трясине, отказываясь от общих знакомых, которые мужественно держались и растили детей, от друзей протягивающих ему руку помощи, держащих на работе в своих созданных и развиваемых ими фирмах этого уже особо и не стремящегося работать человека. Кошмар длился десять лет. Ирина, пытаясь сохранить семью, хотя бы уж не любимого человека, но отца для дочери, носилась, выкраивая время в рабочие дни и выходные по бабкам, появившихся в неимоверных количествах всяких экстрасенсах, элементарно кодировала его в клиниках. Не помогало ничего. Он упорно возвращался в свои разгульные компании, уже работая, где придется по паре месяцев и уходя с головой в загулы, опять же на пару месяцев. Последние года три банально тряся Ирину, если на выпивку не хватало. Ирина терпела всё – его учащающиеся приступы белой горячки, где он воспринимал себя воюющим в Чечне, ползая под диваном или в приступе ярости пытался изгнать из дочери, якобы вселившегося в нее дьявола, безумно пугая их своей пьяной упертостью, заставляя прятать при его появлении все колющие и режущие предметы в доме, чтобы не спровоцировать рожденных в его убитом сознании, только ему понятных видений, заставляющих его хвататься за нож и бегать с ним по комнате, угрожая кому-то невидимому. Даже когда сама купила квартиру в кредит, она с мыслями: – «ну вот, может ремонтом по-хозяйски займется, отвлечется от этой дряни», – прописала его у себя. Но надежды остались надеждами и, когда он поднял на нее в пьяном угаре руку и отбросил в сторону, как котенка, не догоняя, что он делает, дочку, кото-

рая бесстрашно бросилась защищать Ирину... Всѳ – это было последней каплей. Мечты о прекрасной, как у родителей, семье рухнули, впадать в депресняк было непозволительной роскошью с кредитом и дочкой-школьницей. Ирина развелась, ведя периодические бои с бывшим мужем за жилплощадь, которую по мере погашения Ириной кредита, он все больше признавал своей, поскольку недвижимость была приобретена в браке. И последнее – Ренат. Но Ирина даже вспоминать об этом не хотела. Какие мы все-таки бабы дуры, лишь крутилось в ее голове, как легко мы подсаживаем себя на чувство, как на тяжелый наркотик и носимся с ним одурманенные, не замечая таких очевидных вещей, что ему – предмету воздыханий и герою твоих бессонных ночей, ни на какой фиг, не нужна лично ты. Не будет тебя, будет другая и, несмотря ни на какие заверения и убеждения, он никогда не станет твоим, только твоим, даже если он вдруг когда-нибудь, когда в лесе сдохнет невиданный зверь, разведется со своей женой, потому что это природа, его непостоянная природа неуверенного в себе мужика, не утешенного безмерно раздутого эго, ищет себя в мире людей таким вот образом и, женившись после развода на тебе, он тут же с головой окунется в хоровод любовниц, и ты уже будешь по другую сторону, и счастье все равно будет недолгим, если ты когда-нибудь и будешь счастлива с таким моральным уродом, даже не понимающим, что за предьяву ему кидают бабы, требующие внимания только к единственной себе, будь то жена или любовница. И всѳ это ее жизнь, ее прошедшие годы, ее боль, ее острая тоска от предательства и вечного одиночества. Разве это не карма. Стремись, веруй и получи, так учат все адепты и гуру, нет... больше она себе не позволит боли, она ее просто не выдержит, раз так предначертано и определено... нет, она больше не будет играть с судьбой. Приедет дочь и всю жизнь она положит к ногам этого самого дорогого на свете человечка. Хватит доказывать, что она достойна, одиночество – вот чего она достойна и это пора понять и принять...

– Ирина Евгеньевна, вы сегодня чудно выглядите, в вас улавливается загадка, что-то явно изменилось в вашей жизни, – Вика, улыбаясь, смотрела на Ирину, остановившуюся у ресепшена, с интересом изучая письма, пришедшие в адрес компании.

– Я, дорогая, приняла для себя самое важное решение, – таинственно улыбнулась в ответ Ирина, – но какое, пока не скажу. А как ты? Как выходные, удачны? —

– Ах, Ирина Евгеньевна, – лишь мечтательно закатила глаза Вика, – бегемот Слава – это нечто... нечто воздушное и полное романтики.-

– Бегемот Слава, – Ирина не пыталась скрыть удивление, – полон романтики! —

– Ах. Он завалил меня цветами. Субботний вечер мы провели в шикарном ресторане, а в воскресенье поехали по бутикам, – делилась Вика явно переполняющими ее эмоциями.

– Я за тебя безмерно рада, может тебя минует горькая чаша, и ты действительно получишь внимание и заботу достойную женщины, – искренне выдала Ирина и пошла по коридору к своему кабинету, не обращая внимание на застывшую в немом удивление Вику с невысказанным вопросом в глазах.

– Ой! Ты что творишь, паразит! – Ирина вздрогнула. Дикий крик и женский визг неслись из открытой двери кабинета Рената. И тут же из двери, пригибаясь, визжа и постоянно оглядываясь, вылетела растрепанная Элеонора. У нее прямо над головой в стену влетел миниатюрный, изящный степлер в позолоченной оправе, всегда лежащий на столе Рената. Ирина, нимало не удивившись, спокойно отошла поближе к стене, чтобы пропустить летящую на нее Элеонору. Очередная семейная сцена. Элеонора попала под горячую руку своего татарского мачо прямо у него в офисе.

– Дура, пошла отсюда, идиотка недоделанная! – орал, не выходя из кабинета, Ренат.

Элеонора вдруг резко развернулась и прокричала в дверь: – сам недоделанный придурок, – и тут же уже понеслась, демонстративно не замечая Ирины, по коридору к выходу, на ходу нервно поправляя свою неизменную кипень накрученных шикарных рыжих волос. В стену врезался дырокол, отбивая приличный кусок штукатурки.

«Ну вот, придется искать маляров,» – пронеслось в Ириной голове.

– Опять драмы семейной жизни, – деловито спросил маленький толстенький в крупных роговых очках на поллица, в строгом костюме «от Валентино» финансовый директор, только сегодня вернувшийся из отпуска, который он проводил, кажется в Греции, кстати, тоже одноклассник Элеоноры, – высокие отношения..., – он призадумался, – нет, пожалуй не пойду сейчас к Ренату. К обеду они уже перемурлыкаются и у него будет настроение, а к вечеру она заедет за ним и... бурная ночь обеспечена, – с ухмылкой подмигнул он Ирине.

– Тебе видней, – согласилась Ирина.

– А то, – широко улыбнулся финансовый, – вот мы вместе по старой доброй традиции за примирение бокальчик и поднимем, – и он вполне удовлетворенный предстоящей перспективой развития вечернего времяпрепровождения развернулся и зашагал по коридору.

«Как многогранна семейная жизнь» – думала Ирина, проходя через холл на кухню, где слышался шум воды из крана и звон убираемой посуды.

– Надюшка, извини, пожалуйста, я совсем не ожидала, что Ренат так рано нарисуеться.-

– Да брось, – махнула рукой Надюшка, – ребята все убрали идеально, я вот только посуду домываю.-

– Надюш, у тебя хоть все нормально, я серьезно переживала за тебя... Этот Макс, чудной такой.-

Надюшкины глаза вдруг зажглись яркими звездочками, и она широко улыбнулась Ирине, бросая тарелку и выключая воду.

– Не знаю чудной или чудный, но он удивительный парень. Он действительно привез меня на такси в свой офис. Я подписала контракт, и мы проспали прямо там, в офисе на диване до утра, просто проспали. Ты понимаешь Ирин, ничего не было, я даже не знаю, будет ли что дальше, но я так счастлива... —

– Ирин, зайди ко мне, – появившейся на кухне Ренат не дал посекретничать дальше. Его грозный вид не предвещал ничего хорошего, но совершенно не пугал Ирину. Гангстер был непривычно слегка помят, складывалось впечатление, что он где-то спал в своем обычно идеальном пиджаке, причем не одну ночь, настолько непрезентабельно выглядел пиджак, характерно измятый и довольно потрепанный. Трехдневная щетина не делала лицо мужественным, подчеркивая мутность не отошедших от загула глаз.

«И что это за явление?» – пронеслось в голове, но она даже взглядом не выразила своего удивления, спокойно кивнув ему. Он молча развернулся и, не дожидаясь ее, пошел к своему кабинету.

Ирина заговорщицки тронула руку Надюшки и, делая круглые глаза, многозначительно улыбнулась ей, молча кивнув в сторону удаляющейся фигуры шефа.

– Еще поговорим, – шепнула она Надюшке, направляясь следом.

– Я сегодня домой пораньше, короче прямо сейчас, – буркнул Ренат, собирая вещи со стола в свой кожаный кейс, – остаешься за меня.-

– Хорошо, – с энтузиазмом откликнулась Ирина, – не переживай, все будет под контролем, – деловито добавила она.

– Не сомневаюсь, – мрачно с тяжелым вздохом произнес Ренат, поднимая глаза и оглядывая ее каким-то непривычно чужим, холодным взглядом. Ирине даже стало немного не по себе. Она что-то не припомнила, чтобы Ренат когда-то смотрел на нее вот так, словно хотел причинить ей физическую боль.

– В этом я как раз не сомневаюсь..., – глухо протянул он, – ты не спрашиваешь об утреннем скандале, это тебя уже не волнует? Ты не спрашиваешь, почему я так погано выгляжу? —

Ирина равнодушно посмотрела на него, это действительно ее не волновало ничуть, и ровным, лишенным эмоциями голосом, она произнесла: – почему ты так погано выглядишь? —

А Ренат вдруг подошел к ней и, заглядывая в глаза, словно ища там ответ на какие-то мучающие его вопросы, тихо произнес: – да потому, что я погано себя чувствую... —

Ирина была непробиваема. Она ничего не могла с собой поделать. Ей было не интересно даже не любопытно узнать, что он сейчас чувствует. Ренат, словно прочитав это откровение, молча опять вернулся к столу.

– Я выходные прозависал у Сереги, мы пробухали все дни на его дачи, а эта овца Элеонора уже с утра примчалась в офис и начала качать права, как-будто я не мужик и не мое право провести выходные, где я хочу.-

– А разве Элеонора не забрала тебя в пятницу, как обычно. Выходные – семейные дни, и это неизменно и тема эта неприкасаема, кажется ты так говорил, разве я не права? – как бы между прочим поинтересовалась Ирина.

– Говорил, говорил, я уже не помню, что я говорил ..., – пробурчал угрюмо Ренат, – но изменилась ситуация, дорогая, и у меня была весомая причина так поступить. Кое-кто отключил телефон, пропадая неизвестно где все выходные. Объясни, как после этого я должен был себя чувствовать? —

Он вдруг снова как-то тяжело и непривычно глянул на нее.

– Ирина, не делай мне больно, не заставляй меня становиться сволочью и жалеть о неоправимом ни себя, ни меня... —

Ирина лишь молча смотрела ему в глаза.

«Это твое право выбора становиться тебе сволочью или по-мужски принять ситуацию», – пронеслось в голове, но не это она высказала вслух. Она лишь улыбнулась легко, краешком губ, снимая напряженность, заземляя электричество разрядов носящихся в воздухе, грозящее взорваться диким выплеском эмоций с обеих сторон.

– Хорош, Ренат, не драматизируй, я разве не имею права на личную свободу. Да я отключила телефон, потому что так захотела, мне было так удобно в тот момент. Я не понимаю, чего тебя так взволновало, ты мне никогда не звонил в выходные, поскольку все твои домочадцы дома, ты занят семьей, а я была занята собой.-

Ренат тяжело выдохнул.

– Ладно, наверное, ты права, ты конечно свободный человек, и ...мои фантазии... —

– Ты лучше скажи, как Дина, поворковали? – окончательно отвлекла его Ирина, выводя из патовой ситуации грозящей неминуемым взрывом. Она попала в яблочко, отвлекая его от излишнего внимания к своей персоне, напоминая о новой интриге готовой к развитию.

Ренат ухмыльнулся и улыбнулся вполне уже своей привычной гангстерской улыбкой, пройдясь по взъерошенным волосам обычным жестом уверенного в своей неотразимости мужчины.

– Ир, ты класс, вот все заметишь... А мне приятно, что ты ревнуешь. А ты ревнуешь... – и он покачал пальцем, – даже успокаивает.-

Ренат, уже совершенно уверенно, со вполне прояснившимся лицом, твердо захлопнул кейс.

– Ладно, пойду уж, хоть отосплюсь немного, да и морду свою пропитую в порядок привести надо.-

Он шагнул к двери: – а, кстати, – он резко повернулся, видимо вспоминая о чем-то,

– сегодня, возможно, Кирилл из банка позвонит, назначь встречу на завтра, лучше с утра, я сразу из дома подскачу к нему.-

– Ренат, а кто это – Лиза? Кирилл из банка упоминал о ней, – неожиданно для себя выдала вслед, уже покидающему кабинет, Ренату Ирина.

Ренат, не скрывая своего удивления, глянул на нее.

– Когда это он мог упомянуть, – ее вопрос явно напряг его, и он уже с подозрением продолжал смотреть прямо на Ирину.

– В разговоре с Элеонорой, – Ирине пришлось солгать, с ужасом ожидая его дальнейших расспросов. Она не умела лгать, и Ренат это прекрасно знал, видимо спиртные пары еще давали о себе знать, и это спасло Ирину от неминуемого допроса.

– А, это когда он в офис зачем-то приперся, Элеонорка что-то говорила мне об этом. Это его жена, не знаю, что-то у него там случилось, уже давно... Я честно не знаю подробностей. Это Элеонорке везде нос сунуть нужно... Я этого Кирилла что-то не очень воспринимаю, такой типичный москвич с непрошибаемым самомнением, выхолощенный до тошноты, иной раз морду хочется ему набить, А Элеонорку так и прет от него, столько разговоров о нем, столько добился, такой важный. Конечно, одноклассник ведь, да еще и простой был – без связей, не то, что она – дочка бывшего партийного бонзы... Ладно, Ирину, давай тут контролирую все, побегу, мне еще с моей женой нужно отношения уладить. Замучишься с вами бабами... – Ирина вышла с ним из кабинета.

– Ты там сделай чего-нибудь с дыркой в стене, – уже совсем спокойно кивнул Ренат на место попадания степлера в стену.

– Ладно, повешу туда картину, – тут же нашлась Ирина.

– Отличная идея, – согласно кивнул Ренат, – ну, я побегу.

Ирина никак не могла сосредоточиться на работе. Наконец, окончательно отбросив в сторону неподдающийся текст рекламного объявления, она, откинувшись на спинку рабочего кресла, озадаченно покрутилась в нем.

Жена, значит он все-таки женат... Хотя Ренат сказал, что-то случилось. Но что, что могло произойти такого, что ночными кошмарами мучает такого сильного и вполне твердо стоящего на ногах мужика. Ирина тяжело вздохнула, массируя пальцами виски. Произошедшее в выходные не шло из головы. А как это могло уйти. Разве случившееся было не прекрасно... Все эти события последних дней и ночей. Она задумчиво тронула висящие на металлических струнках шарики, и они начали свое почти бесконечное движение, легонько постукиваясь. Вот именно слишком прекрасно, чтобы перерасти в повседневную бытовуху редких встреч. Зачем ему Ирина, он сам сказал, что она вызывает лишь любопытство. Его любопытство пройдет, а ее боль, несомненно боль, потому что она уже непозволительно глубоко пустила его в свою душу, непозволительно глубоко доверилась ему, а после ушедшего его любопытства... да, всё это трансформируется в боль, которая с еще большей жестокостью начнет терзать ее и мучить. Зачем начинать это всё, зная конец заранее. На столе резко зазвонил мобильник, вырывая Ирину из сонма сомнений.

– Ирина Евгеньевна, добрый день, – услышала она незнакомый голос, – это вас беспокоят из риэлтерской компании «Ваш город», у нас симпатичный вариант по вашему заявлению. Квартира в вашем районе, как вы заказывали, трешечка с приличным ремонтом. Вы когда сможете подъехать? —

Ирина даже встрепенулась. Она за всеми этими, стремительно развивающимися событиями, совершенно забыла о своем посещении крупной конторы в своем городе и договоренностях с ее сотрудниками о подборе ей вариантов трехкомнатной квартиры с ипотечным кредитованием.

– Я... пожалуй, завтра, да, да. Завтра я обязательно подъеду. Спасибо.-

Звонок словно вернул ее в реальность, снимая остатки блаженного очарования выходных. – Ну что, двигаемся дальше, – прошептала Ирина неостанавливающимся шарикам,

– продолжаем делать себя в гордом одиночестве.-

«Нужно Ренату вечером звякнуть, отпроситься на завтра,» – пронеслось в голове, и Ирина, уже уверенно, взяла листок с недописанным рекламным объявлением.

Опять запел мобильный, высвечивая незнакомый номер.

– Привет, по-моему, доброе утро! —

Внутри Ирины все рухнуло. Разве можно сдерживать улетающую душу, когда в трубке звучит уверенный и даже бодрый, но совершенно неожиданный голос.

– Конечно доброе, – все-таки не выдержав, улыбнулась Ирина.

– Я не помешал? – его голос чуть дрогнул, теряя уверенность, выдавая некоторую настороженность.

– Нет. Мой номер, ты как... —

– Элементарно, – опять вполне уверенным тоном перебил ее Кирилл, – взял из твоей папки с бизнес-планом под подписью исполнитель. Я заеду сегодня к вам в офис. –

– Заезжай, но Рената нет, он... —

– Я заеду к тебе, вернее за тобой, – перебил ее снова Кирилл. Ирина вдруг запаниковала, она даже почувствовала, как противная дрожь пробирает ее пальцы.

«Нужно собраться и главное решиться», – мгновенно проявилось в голове. И сделать это сейчас, потом будет поздно и, наверное, невозможно, не хватит сил.

– Кирилл прости... не нужно, я не могу.... Я и ты... Я боюсь, – не очень уверенно пролепетала она, и даже этот лепет уже несколько придал ей сил. Она решилась...

– Ирина о чем ты? Подожди... Это не правильно, ведь всё было прекрасно, – его голос стал твердым, даже требовательным.

– Вот именно всё было прекрасно, – уже торопилась высказать Ирина, – но моя жизнь... будни... Мои страхи, мои проблемы... Это так обыденно, так скучно... Зачем тебе эта мелодрама... Прости. Нет. –

Кирилл некоторое время молчал, а Ирина слушала биение своего сердца, дрожащего сейчас, как овечий хвостик и пыталась держаться из последних сил, чтобы сию минуту не изменить своего решения.

– Ты хочешь быть с этим, – наконец после затянувшегося молчания глухо произнес Кирилл.

– Я давно не с ним, Кирилл, и я ни с кем не хочу быть, ни с кем... —

– Неужели я так сильно напугал тебя и ... – совсем тихо начал Кирилл, но Ирина не дала ему даже закончить, – не говори бред, – совсем жестко прервала она его, – я не кисейная барышня и уж такими сценами меня точно не напугаешь. –

– Тогда я позвоню тебе, в конце недели, жизнь ведь меняется непредсказуемо. –

В трубке послышались гудки. Ирина выдохнула, снова придавая ускорение почти остановившимся шарикам, она не понимала, то ли хвалить себя, то ли ругать, но плакать хотелось жутко и прямо в голос...

Вечером она отзвонилась Ренату и отпросилась сразу на два дня. Все-таки осмотр квартиры это далеко неординарное событие. В электричке она все-таки осторожно разрешила себе вернуться к размышлениям о Кирилле и даже мысленно послала себе реверанс. Все произошедшее смотрелось, как из затонированного окна автомобиля, прекрасно, но не рельефно, слегка расплывчато. Вот она закалка прожитой жизни, уже привыкаешь к вечным неудачам, и сердце становится по команде смирно практически мгновенно. Но... самое главное не видеть Кирилла, не видеть, не слышать и не представлять, не вспоминать его объятия, его поцелуи, его улыбку и внимательные глаза... «Ну, вот опять, очнись!» – Ирине пришлось даже прикрикнуть внутренне на себя.

Утром она встала не сразу, валяясь в постели, в блаженной полудреме прислушиваясь к гомону воробьиного чириканья, влетавшего через открытое окно со свежим бодрящим утренним воздухом. Она вскипятила чайник и, приготовив кофе с молоком, глотала из большой чашки напиток, наслаждаясь его вкусом, рассматривая живущий обыденной жизнью летний двор за окном.

Гуляющие молодые мамашки с колясками, зелень кустов и тополиные ветки с зелеными листиками, так близко к окну, почти у ее лица. Бабулечки на лавочке у подъезда мирно бесе-

дуют, идиллическая картинка летнего утра. А чуть дальше, за самодельным столом непрекращающееся с ночи застолье – общество с характерными лицами и потихоньку, словно пчелы к медоносу, подтягивающиеся с разных сторон двора, нетвердой походкой, такие же характерные лица. День начинался и для них, а может, заканчивался. Настроение от этой картинки поубавилось. Ирина вернулась к столу. Плевать на эти картинки.

Нет все-таки то, что ее ожидало сегодня, было очень волнительно. Ирина трепетно относилась к таким крупным приобретениям в своей жизни. Пусть все не очень легко, пусть кредит связывает по рукам и ногам, заставляя жить в постоянном напряжении, держа в тонусе, приучая считать каждую копейку, но какое счастье для нее, помыкавшей по съемным квартирам иметь свой собственный угол, да еще какой – просторную трешку. А как рада будет дочка получить отдельную комнату. Ирина привычно привела себя в порядок, подкрутив светлые волосы плойкой, легким взмахом придавая объем угольно-черным ресницам. Светлая футболка и светло-голубые джинсы. Огромное во весь рост зеркало в коридоре отобразило весьма привлекательную особу с узкой талией и высокой грудью. Она повернулась, оценивая себя в профиль. Да Кирилл прав, если отвлечься от того, что это она и сказать честно – аппетитная попка. «Вот дура», – тут же расстроилась Ирина, опять Кирилл. «Проехали подруга», – вернула Ирина себя к реальности.

Квартира понравилась сразу.

– Ну что ж – вторичка, но зато почти не требует ремонта, – довольно заявил риэлтор, обходящий с Ириной и продающей хозяйкой, большую светлую трехкомнатную квартиру.

– Да мы ремонт полгода только как сделали, на кухне кот обои снизу подрал, а так все новенькое, – хозяйка охотно показывала все углы кое-где заставленной пока мебелью квартиры.

– Ну что, Ирин, устраивает? —

– Вполне, дочке даже ближе к школе и лес из окна виден. Красота.-

– У меня правда условие, – замялась хозяйка, – мне квартиру в пять дней продать нужно, мы дом в Сочи покупаем, уже присмотрели и сделка назначена, поэтому и цену низкую даю.-

Ирина даже застыла в замешательстве. Квартира ей очень нравилась, но сбор документов, оформление кредита. Она вопросительно и несколько растерянно глянула на риэлтора.

– Ирин, а чего вы так переживаете, – спокойно произнес тот, – мы поможем, доплатите чуток, сами соберем нужные бумаги. Задолженности по квартплате нет? —

– Нет, – мотнула головой Ирина.

– В налоговой? —

– Да вы что, – горячо заверила она.

– Ну и все. Справку о зарплате вы уже приносили, банк кредит уже одобрил. В день сделки сразу и ипотеку оформим и в регистрационной палате все сделаем. Вы главное с мужем бывшим утрясите вопрос, что он на квартиру вашу не претендует и подпишет отказ у нотариуса.-

Отказ мужа – это только легко было сказать. Она вспомнила, как она шесть лет назад, когда только приобрела свою первую квартиру – маленькую, с газовой колонкой в туалете, но свою однушку, собственную и перевезла туда вещи, сколько гадостей она выслушала в свой адрес от мужа и особенно от его родственников. Какая она недальновидная и глупая авантюристка, отдавать деньги в кредит и вообще, кто должен теперь напрягаться зарабатывать такие деньжищи, да еще в такие нестабильные времена конца девяностых, когда сегодня у тебя есть работа, а завтра ты на улице и мучительно соображаешь, чем накормить ребенка. Эти испытания уж точно не обязан вваливать на свои плечи муж, у него, бог дал, родители рядом и жить есть где, и Ирину блажь он совершенно не обязан поддерживать.

– Ирин, плюнь на всех и иди по жизни гордо, с высоко поднятой головой, ты молодец, ты стараешься, и у тебя обязательно все получится, – этот посыл пожилого умного шефа

с предыдущей работы, который и выделил ей беспроцентный кредит в те бешеные годы, когда банки и не знали такого выражения, как «ипотечное кредитование», вселил в Ирину такую непрошибаемую уверенность в своих действиях, что в дальнейшем, ни секунды не сомневалась в правоте своих эпохальных решений. Ровно после покупки квартиры грянул кризис 98 года и муж, уволенный с последнего места работы, уже словно забыл о своем мужском предназначении, как должное рассматривая жизнь в новой квартире, не отягощая себя ненужной обременительной обязанностью работать вообще или хотя бы с переменным успехом на данном поприще. Трясина поглотила его совсем, и даже после развода, с боями выпроводив, к не жаждущим взять под свое крыло опустившееся чадо, родителям, Ирине приходилось обороняться от частых возвращений мужа, напоминающего, что он имеет полноценную долю в этой крохотной, но собственной квартире.

«Где же теперь искать – это горюшко,» – мысленно вопрошала Ирина. Последнее время он тусовался в какой-то квартире на первом этаже в соседнем доме. По крайней мере, ее просветила на этот счет случайно встреченная бабулечка, которой Ирина платила в свое время совсем символические деньги и та, только исходя из своего милосердия, занималась ее дочкой, забирая из школы, когда Ирина допоздна сидела на работе, а муж пропадал где-то в вечном своем состоянии благодатной отключки.

Хозяйкой квартиры была одна из подруг, разбавляющих эти характерные компании, превращающихся или превратившихся в однообразных существ бывших людей, жаждущих осуществления одной на всех, но такой трепетной мечты – взять в трясущиеся от вожделения руки и приложиться иссушенными губами к краю стеклянного стакана, чтобы порадовать плачущую, алкающую, страждущую душу глотком прозрачной и получить полное блаженство, напрочь отключающее остатки убитого этой прозрачной мозга индивидуума, еще осознающего себя личностью, человеком... где-то на самом краешке сознания.

Приятного в этом посещении ожидалось мало и Ирина, уговаривая и беря себя в руки всю дорогу от дома, где смотрела квартиру, оказалась у дверей нужного подъезда. Дурно стало от одного вида грязной тряпки вместо шторы прикрывавшей окно однушки на первом этаже. Но она бодренько рванула уже закрывавшуюся дверь подъезда, не дожидаясь, когда та захлопнется и сработает кодовый замок, после того, как очередной жилец вышел из подъезда. Она поднялась по ступенькам, стараясь не особо втягивать амбре, уверенно распространяющееся по подъезду из настежь открытой двери нужной ей квартиры. Она,

осторожно заглядывая в коридор, шагнула внутрь этого убивающего всякое желание двигаться дальше, так называемого, жилья. Ободранные стены с заплесневелыми от частых протектов давно неремонтируемых труб с полуотвалившимися обоями. Ирина, также осторожно, заглянула в единственную комнату. Пара мужских полутрупов валялись на совершенно убитом диване с обивкой, под грязью ткани которого, уже не угадывался родной цвет этой обивки. Какие-то грязные бесформенные тряпки, предполагающие видимо одежду, валялись по всей комнате. У дивана, во всей красе, располагался импровизированный стол, доска, бывшая когда-то частью какой-то мебели, скорей всего дверью стоящего тут же у стенки, распахнутого наполовину, шкафа. Стол был завален остатками трапезы, может вчерашней, а может еще более древней. Ирина ведь была не в курсе, сколько дней здесь длился банкет, остатки которого она и наблюдала сейчас. Пустые стаканы и бутылки все-таки преобладали над грязными тарелками и вилками, и в центре, удачно завершая картину, красовалась консервная банка с кучей, осыпавшихся из нее на стол или просто кинутых промахнувшейся нетвердой рукой, бычков. В полутрупах бывший муж не узнавался. Ирина шагнула дальше в направлении кухни.

– Серега, ты куда пропал, нутро горит, а ты гуляешь! —

Ирина даже выдохнула с облегчением и уже уверенно шагнула дальше. Это был голос ее незабвенного.

– Опа, какие люди, – уставился он в пьяном удивлении на нарисовавшуюся вместо долгожданного Сереги в дверном проеме убогой кухни Ирину.

– Ты глянь, я, кажись, белочку словил, – ткнул он кулаком в существо с всклокоченными спутанными волосами на голове, которое, уронив голову на стол, сидело рядом с ним. Существо подняло голову и мутными рыбьими глазами скользнуло по Ирине, тут же бухаясь об стол головой. Ирине даже не хотелось осматриваться в этом гадюшнике, того что она успела охватить боковым зрением, ей вполне хватило для полного восприятия картины быта этих отшельников.

– Ладно, Захаров, не дури, твои белочки на сегодня ускакали, я уж тебя знаю, ты почти в адеквате и ты мне нужен.-

– Ну, тогда присаживайся, – и Захаров, усмехнувшись, твердо подвинул в сторону Ирины табурет, выдергивая его вполне привычно из-под стола. Ирина лишь безглаголиво глянула на залитый чем-то табурет и осталась на месте. Захаров, видя неприкрытую Ирину безглаголивость, снова усмехнулся.

– Чего пожаловала, давай, я жду, неужель соскучилась по бывшему мужу.-

– Мне скучать по тебе, Захаров, уже давно желания нет, и ты это знаешь, я по делу пришла.-

– Что ж, я весь в надеждах, а ты сразу по делу.-

– Я тебя никогда не обнадеживала и честно тебе все перед разводом сказала. Захаров, пока ты еще догоняешь, будь любезен – не нажирайся. Завтра я на такси за тобой заскочу, и поедем к нотариусу.-

– И за каким хреном, – поинтересовался насторожившийся Захаров.

– За большим и толстым, – не выдержав съязвила Ирина, ее уже начали раздражать эти затянувшиеся любезности с бывшим мужем, – будешь подписывать отказ от своих претензий на долю в квартире, я трешку покупаю.-

– Да ну, – не скрывая ехидства, воскликнул Захаров, – богатеешь, а без меня значит никак, а если фиг тебе, – выкрикнул вполне довольный возможностью проявить свою власть над ней Захаров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.